ПРАВОСЛАВІЕ и СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Полемика 60-хъ годовъ объ отношеніи православія къ современной жизни.
(А. М. Бухаревъ).

Проф. П. В. Знаменскаго.

Изд. „Свободная Совѣсть“.

ПРАВОСЛАВІЕ и СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Въ настоящемъ году исполнилось 35 лѣтъ со дня смерти А. М. Бухарева. Въ виду скудости литературы объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ издательство нашло нужнымъ выпустить отдѣльнымъ изданіемъ статью о немъ проф. П. В. Знаменскаго, первоначально появившуюся въ одномъ спеціальномъ журналѣ. Статья перепечатывается безъ измѣненій, хотя даваемая въ ней общая характеристика эпохи издательствомъ не раздѣляется.

ПРАВОСЛАВІЕ и СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Полемика 60-хъ годовъ объ отношеніи православія къ современной жизни.
(А. М. Бухаревъ).

Проф. П. В. Знаменскаго.

Изд. „Свободная Совѣсть“.

Отъ Московскаго духовно-цензурнаго комитета печатать дозволяется.
Москва, 16 марта 1906 года.
Цензоръ протоіерей *Іоаннъ Петропавловскій.*

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1906.

I.

Конецъ 50-хъ и начало 60-хъ годовъ протекшаго столѣтія, время освободительныхъ реформъ императора Александра II, были чрезвычайно оживленнымъ, даже, можно сказать, бурнымъ временемъ нашей новой исторіи. Надъ Россіей возсіяла заря новой лучшей жизни, которую съ восторгомъ привѣтствовало все русское общество. Но въ то же время обнаружилась и вся неподготовленность къ ней этого общества. Освободившись отъ разныхъ тягостныхъ сдержекъ только лишь минувшаго строгаго времени, наша передовая интеллигенція, какъ рабъ, вырвавшійся изъ оковъ, ударилась во всѣ крайности либерализма и нравственной распущенности. Девизъ того времени—„прогрессъ"—сдѣлался боевымъ ясакомъ всѣхъ передовыхъ людей и получилъ среди нихъ особенное, специфическое значеніе всяческой ломки старыхъ государственныхъ и общественныхъ устоевъ. Матеріалистическія и революціонныя идеи открыто проводились въ журналахъ, проникали во всѣ слои грамотнаго общества отъ учениковъ среднихъ, даже низшихъ школъ до высокопоставленныхъ правительственныхъ сановниковъ, пропагандировались даже среди простого народа.

Отъ усиленнаго распространенія отрицательныхъ ученій едва ли не болѣе всего доставалось отечественному православію, за которое некому было заступиться передъ современной интеллигенціей, потому что естественные его защитники, представители церкви, потеряли тогда свой послѣдній авторитетъ, явились людьми отсталыми и даже враждебными модному прогрессу, да, кромѣ того, застигнуты были новымъ прогрессивнымъ движеніемъ совершенно врасплохъ и не могли сразу къ нему приспособиться.

Наша богословская наука и все вообще церковное учительство держались до сихъ поръ очень изолированно отъ движенія свѣтской науки и отъ явленій дѣйствительной мір-

ской жизни. Всячески соблюдая цѣлость православія, богословская наука не допускала ни малѣйшаго отступленія отъ принятыхъ догматическихъ формулъ, опредѣленій и самыхъ терминовъ, не только установленныхъ православною Церковью, но даже выработанныхъ послѣ, напримѣръ, во время схоластики, и боязливо останавливалась предъ всякимъ проявленіемъ самостоятельной мысли и какимъ-нибудь новымъ выводомъ изъ тѣхъ же освященныхъ давнимъ церковнымъ употребленіемъ формулъ. Знакомство съ движеніемъ западной науки въ области богословія и философіи допускалось, и то очень неохотно, только въ духовныхъ академіяхъ, а въ семинаріяхъ неизвѣстны были даже самыя имена западныхъ ученыхъ, пользовавшихся особеннымъ авторитетомъ среди русской интеллигенціи и журналистики, напр., тюбингенцевъ, Гегеля, Фейербаха, потомъ разныхъ Бюхнеровъ, Молешоттовъ и т. п. Точно такъ же и прикладная, практическая часть духовной науки, проявлявшаяся во всякаго рода церковно-нравственномъ учительствѣ, упорно витала въ однѣхъ высшихъ сферахъ совершенно отвлеченной, ни къ кому и ни къ чему въ частности не относящейся морали, и притомъ морали большею частію сурово-аскетическаго характера, упускавшей изъ виду обыденную жизнь обыкновенныхъ мірскихъ людей. Спуститься съ этихъ высотъ поближе къ живымъ людямъ и современной дѣйствительности церковный учитель считалъ чѣмъ-то для себя неприличнымъ и даже унизительнымъ для самой Церкви; это запрещалось ему даже самой наукой церковнаго проповѣдничества—гомилетикой, да не возглаголютъ уста его ни дѣлъ ни пустыхъ мнѣній человѣческихъ.

Такая безучастность церковной науки и проповѣди къ современной жизни, не мало вредившая силѣ церковнаго вліянія на общество и въ прежнее время, теперь оказывалась положительно невозможной. Церковнымъ учителямъ волей-неволей приходилось такъ или иначе приспособляться къ современному общественному движенію, значительно спустить свой прежній высокій тонъ, заговорить болѣе современнымъ языкомъ, обратить вниманіе на плоды западной богословской науки и на произведенія отрицательнаго направленія, заняться предметами болѣе близкими къ запросамъ и потребностямъ времени и позаботиться о необходимыхъ средствахъ къ сбли-

женію православія съ дѣйствительной жизнью, которая, очевидно, все болѣе и болѣе уходила изъ-подъ вліянія Церкви. Съ такими задачами и въ такомъ направленіи съ 1860 года начало издаваться нѣсколько духовныхъ журналовъ: „Православное Обозрѣніе“, „Странникъ“, „Душеполезное Чтеніе“, „Руководство для сельскихъ пастырей“, потомъ „Духъ Христіанина“, „Духовный Вѣстникъ“; изъ академическихъ журналовъ такой характеръ усвоили себѣ „Православный Собесѣдникъ“ (еще въ концѣ 50-хъ годовъ) и „Труды Кіевской академіи“.

Но, какъ и всякое новшество, это новое направленіе духовной науки и литературы среди старшаго поколѣнія духовенства и среди большинства высшей іерархіи, встрѣчено было не совсѣмъ благосклонно. Богословы и духовные писатели, выдававшіеся особеннымъ вниманіемъ къ иностранной наукѣ или свѣтской литературѣ и отличавшіеся болѣе живымъ и общественнымъ характеромъ своихъ произведеній, напримѣръ, архимандриты Ѳеодоръ Бухаревъ, Іоаннъ Соколовъ (послѣ епископъ смоленскій), Никаноръ Бровковичъ, профессоръ Гиляровъ-Платоновъ и др., подвергались разнымъ подозрѣніямъ и служебнымъ непріятностямъ. „Православный Собесѣдникъ“, затрогивавшій (подъ редакціей ректора Казанской академіи Іоанна) разные жгучіе вопросы современности и стремившійся къ тому, чтобы сдѣлаться органомъ общенія академіи съ общественной жизнью, въ 1859 г. подвергся опалѣ начальства, былъ подчиненъ чужой — московской—цензурѣ и едва совсѣмъ не былъ прикрытъ. Въ 1861 году оберъ-прокуроръ Свят. Синода графъ А. П. Толстой въ письмахъ къ митрополиту Филарету *) выражалъ неудовольствіе на то, что въ „Православномъ Обозрѣніи“ и въ другихъ духовныхъ журналахъ проявляется „излишняя уступчивость и какъ бы угодливая снисходительность въ отношеніи къ философскимъ воззрѣніямъ и требованіямъ міра“, что въ этихъ изданіяхъ „слишкомъ преобладаютъ переводныя статьи, обозрѣваются болѣе инославныя вѣроисповѣданія“, и что цензурные комитеты дѣйствуютъ слишкомъ слабо, пропуская въ печать такія книги, которымъ полезнѣе было бы

*) „Собраніе мнѣній и отзывовъ м. Филарета“, т. V, ч. I, стр. 34 и далѣе.

возсе не являться на свѣтъ. Такихъ лицъ, тревожно относившихся къ новому направленію богословской науки и литературы, было тогда очень много и нѣкоторыя изъ нихъ доходили въ своемъ консерватизмѣ даже до крайностей.

Въ 1858 году явился и литературный органъ такого крайняго консерватизма, это—знаменитая въ свое время „Домашняя Бесѣда“ Виктора Ипатьевича Аскоченскаго. Редакторъ ея, В. И. Аскоченскій, бывшій профессоръ Кіевской академіи (по каѳедрѣ Патрологіи), авторъ исторіи Кіева и Кіевской академіи, былъ человѣкъ очень талантливый, еще въ академіи прославился своимъ бойкимъ и рѣзкимъ языкомъ, который кіевскій митрополитъ Филаретъ называлъ бритвой, и прекрасно владѣлъ всѣми фокусами діалектики. Въ умѣніи оборвать не нравившееся ему мнѣніе, выставить на видъ чужіе промахи, обмолвки, нелѣпости, а также и нравственные недостатки человѣка или общества, трудно найти обличителя изъ борзописцевъ того времени, который могъ бы съ нимъ сравняться. По бойкости и силѣ его пера нѣкоторые въ то время сравнивали его съ Герценомъ и, пожалуй, не безъ основанія. Конечно, это былъ Герценъ, такъ сказать, съ другой стороны, наизнанку. Онъ заговорилъ въ своей „Бесѣдѣ“ совсѣмъ новымъ, неслыханнымъ въ духовной литературѣ языкомъ. Дѣйствительно сильные аргументы и явно недобросовѣстные софизмы, горькія истины и клеветы, перетолкованія чужихъ словъ и преувеличенія, благочестивыя сѣтованія и ругательства, вульгарныя остроты и тексты свящ. писанія, грозныя обличенія древнихъ пророковъ и балаганныя насмѣшки,—все это сливалось въ его рѣчи въ какую-то пеструю смѣсь, оригинальную, постоянно ядовитую, необыкновенно задорную и раздражающую всѣхъ его читателей.

Со всею безцеремонностью, къ какой только былъ способенъ этотъ далеко неделикатный человѣкъ, принялся онъ обличать всѣ крайности и всю „изгарь“ современнаго прогресса, — космополитизмъ и безрелигіозность образованныхъ классовъ общества, матеріализмъ и нигилизмъ „кашлатыхъ юношей и стриженыхъ дѣвокъ“, фальшивыя стороны современной гуманности и филантропіи, блудныя черты модной женской эмансипаціи, безнравственный характеръ искусства и литературы, не щадя при этомъ личностей ни на-

шихъ выдающихся артистовъ, „ни людей науки, напримѣръ, Пирогова за его педагогическія идеи, отрѣшенныя отъ началъ православія, Буслаева, Костомарова, Аристова и др. за ихъ отрицательное отношеніе къ благочестію и доблестямъ древней Руси, ни корифеевъ литературы, напримѣръ, Шевченка, котораго никто будто бы не читаетъ изъ народа, кромѣ панычей, Пушкина, Гончарова, Тургенева, которыхъ онъ винилъ за отсутствіе въ нихъ народности, за недостатокъ религіозности и за порнографическія замашки при изображеніи разныхъ соблазнительныхъ героинь и любовныхъ сценъ. Покойнаго Бѣлинскаго и современныхъ журнальныхъ дѣятелей, Чернышевскаго, Добролюбова, Антоновича, онъ трактовалъ безъ всякой церемоніи, какъ недоучившихся мальчишекъ, пустомелей, которые совсѣмъ не умѣютъ мыслить логически да подчасъ даже и пишутъ-то по-русски неправильно. „Какіе же вы ребятишки, миленькіе мои,—обращается онъ къ нимъ въ одномъ мѣстѣ „Бесѣды“ *),—съ вашимъ либерально-прогрессивнымъ направленіемъ! Взялъ бы васъ да хорошенько, хорошенько!..“О продуктахъ малой прессы, разныхъ „Весельчакахъ“, „Смѣхахъ Смѣховичахъ“, „Шутахъ гороховыхъ“, „Безструнныхъ Балалайкахъ“, „Пустозвонахъ“ и прочей литературной „изгари“ онъ говорилъ не иначе, какъ съ презрительными плевками.

Не лучше было его отношеніе къ разнымъ иностраннымъ авторитетамъ современниковъ, представителямъ модныхъ матеріалистическихъ ученій, которыхъ особенно чтили въ 60-хъ годахъ русскіе интеллигенты. Въ одной статьѣ **), изображая очную ставку православія съ матеріализмомъ, послѣ изложенія православнаго ученія онъ пишетъ: „Довольно. Теперь вы, шуты, на сцену! Ты кто такой? Бюхнеръ? Знаемъ,—отецъ нашихъ полоумныхъ нигилистовъ. Ну, говори!“ Бюхнеръ говоритъ. „Хорошо! Ступай за рѣшетку! Ты кто? Фейербахъ? А, воспріемникъ нигилистовъ отъ болота невѣрія. Ну, ты что скажешь?“ Говоритъ Фейербахъ. „Глупо! За рѣшетку!“ и т. д. Общій характеръ современной цивилизаціи онъ опредѣлялъ словами апостола: „Человѣкъ, въ чести сый, не разумѣ: приложися скотомъ безсмысленнымъ и уподобися имъ. И якоже не искусиша имѣти Бога въ разумѣ, сего ради преда̀де ихъ

*) 1863 г. полуг. II, стр. 299.

**) „Д. Бес.“ 1867 г., вып. 4, стр. 107.

Богъ въ неискусенъ умъ творити неподобная". На совѣтъ одного корреспондента „Бесѣды" быть поровнѣе, безъ жестокихъ выраженій, упрямый редакторъ, опредѣляя свое значеніе въ литературѣ, отвѣчалъ такъ *): „Усерднѣйше благодаримъ за совѣтъ, но принять его не можемъ. Трудно любообильничать съ волками и отгонять ихъ куринымъ перомъ. Притомъ мы вовсе не имѣемъ цѣли обращать на путь истинный отметающихъ всякую истину; на то есть духовные журналы. „Домашняя Бесѣда" въ мірѣ журнальномъ исправляетъ только должность городового: она ловитъ мазуриковъ и представляетъ ихъ по начальству... Если который жартачится,— ну, такъ пусть не погнѣвается, если „Домашняя Бесѣда" хватитъ его о мостовую такъ, что у него косточки заговорятъ".

Немудрено, что вся современная пресса опрокинулась на него съ единодушнымъ негодованіемъ, напустивъ на него и всю свою тяжелую артиллерію и всѣ легкіе отряды съ гудками и свистопляской; иллюстрированные журналы донимали его карикатурами. Всѣ кричали противъ него, какъ противъ невиданнаго и неслыханнаго до того времени ретрограда, врага просвѣщенія, лицемѣрнаго Тартюфа и доносчика. Но этотъ общій противъ него гвалтъ только еще болѣе его подзадоривалъ и побуждалъ сильнѣе бить своихъ противниковъ направо и налѣво. Въ самыхъ нападеніяхъ противниковъ старый, опытный схоларь, искусившійся во всевозможныхъ диспутахъ, находилъ только новыя силы и новыя, все болѣе и болѣе вѣскія, средства къ пораженію нападающихъ и, утвердившись въ своей самонадѣянной позиціи, презрительно бросалъ имъ новые вызовы, какъ нѣкій непобѣдимый Хома Брутъ: „Ну, молъ, возражайте, возражайте; какія тамъ у васъ еще есть глупости въ запасѣ?"

Пріемъ, встрѣченный „Домашней Бесѣдой" въ публикѣ и среди духовенства, былъ очень для нея лестный. Она сдѣлалась самымъ распространеннымъ не только изъ духовныхъ, но и изъ свѣтскихъ второстепенныхъ изданій и расходилась тысячами между религіозными читателями, какъ единственный журналъ съ духовнымъ направленіемъ, который среди обыч-

*) „Д. Бесѣд." 1863 г. II, стр. 25, примѣчаніе.

ной робкой сдержанности духовной литературы со всею смѣлостью рѣшился выступить противъ разрушительныхъ модныхъ вѣяній матеріализма и нигилизма. Многочисленныя письма его почитателей, которыя редакція не стѣснялась публиковать въ своемъ изданіи, какъ рекламу, расхваливали мужество редактора и своевременность его изданія, дающаго, среди общаго шатанія умовъ, опору слабымъ и утѣшеніе болѣе твердымъ въ православной вѣрѣ. Явились и рѣдкіе сотрудники редакціи изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, безплатно печатавшіе въ „Бесѣдѣ“ свои статьи иногда даже еще болѣе сердитаго направленія, чѣмъ статьи самого редактора. Въ первые годы изданія „Бесѣды“, пока смѣлый редакторъ не задѣвалъ духовныхъ лицъ и духовныхъ изданій, къ нему благоволило и духовное начальство. Онъ былъ хорошо принятъ въ Петербургѣ и у митрополита Григорія и у митрополита Исидора. Въ свое время въ литературныхъ кругахъ ходили упорные слухи,—вѣрные или невѣрные, рѣшить теперь трудно,—будто „Бесѣда“ получала значительныя субсидіи отъ нѣкоторыхъ высшихъ духовныхъ лицъ. Но въ концѣ 1860 года Аскоченскій добрался и до духовной литературы, въ которой все яснѣе и яснѣе стало обнаруживаться новое общественное направленіе. Первымъ попался ему подъ руку извѣстный богословъ 1860-хъ годовъ архимандритъ Ѳеодоръ Бухаревъ.

II.

Личность и богословское направленіе этого симпатичнаго богослова, пламеннаго проповѣдника любви Божіей къ міру, явленной въ великой Агнчей жертвѣ, всю жизнь посвятившаго высокой и идеальной задачѣ проводить истину Христову во всѣ области мірской жизни, посильно обрисована нами въ „Исторіи Казанской академіи“ и въ статьѣ „Православнаго Собесѣдника“ за 1896 г. подъ заглавіемъ: „Печальное двадцатипятилѣтіе“. Еще въ 1840-хъ годахъ, на первыхъ же порахъ своей службы при Московской академіи, онъ обратилъ на себя безпокойное вниманіе митрополита Филарета тѣмъ, что слишкомъ много удѣлялъ вниманія свѣтской литературѣ и допускалъ рискованные для того времени опыты обсужденія современныхъ явленій жизни съ точки зрѣнія своего бого-

словскаго міросозерцанія. Но опыты подобнаго рода въ теченіе всей его академической службы и въ Москвѣ и потомъ въ Казани почти не выходили изъ стѣнъ его аудиторіи, потому что онъ очень мало печаталъ, а въ Казани и вовсе не печаталъ своихъ трудовъ. Въ описываемое время (съ 8 января 1858 г.) онъ служилъ въ Петербургѣ въ должности члена вновь учрежденнаго комитета духовной цензуры.

Лишившись своей академической аудиторіи, онъ тяжело почувствовалъ это лишеніе. Теперь ему некому стало сообщать своихъ душевныхъ убѣжденій а это было его неодолимой потребностью, которую онъ притомъ же возводилъ до высоты своего священнѣйшаго долга передъ лицомъ Единороднаго Сына Божія, поставившаго его служителемъ Своей истины. На самое свое монашество онъ смотрѣлъ, какъ на состояніе, обязывавшее его къ самоотверженному служенію дѣлу Христову, служенію именно общественному, а не къ исключительнымъ попеченіямъ только о личномъ своемъ спасеніи. „Монашеское состояніе, — говаривалъ онъ, — потому и называется чиномъ ангельскимъ, что иноки, какъ и небесные служебные духи, посылаются *въ служеніе за хотящихъ наслѣдовати спасеніе* (Евр. I, 14). Спеціально аскетическая сторона иночества есть сторона уже служебная, споспѣшествующая первому, главному, служенію, хотя также необходимая“. И вотъ для исполненія такого нравственнаго и, такъ сказать, профессіональнаго своего долга онъ прибѣгнулъ къ печати. Это какъ разъ совпало съ тѣмъ временемъ, когда духовная литература стала принимать особенно жизненное и, если можно такъ выразиться, церковно-публицистическое направленіе, къ которому онъ считалъ себя особенно склоннымъ и призваннымъ. Съ 1858 года одна за другой стали являться его статьи то отдѣльными брошюрами, каковы: „О принципахъ или началахъ въ дѣлахъ гражданскихъ“ (Спб. 1858), „О картинѣ Иванова — Явленіе Христа народу“ (Спб. 1858), то въ журналахъ: „Евангеліе, читаемое на царскихъ молебнахъ“ („Дух. Бесѣда“ 1859 г., № 8), „Объ И. Я. Корейшѣ“ (московскомъ юродивомъ — тамъ же), „Странники“ (въ 1 кн. новаго журнала „Странникъ“), „О современности въ отношеніи къ православію“ („Странн.“ 1860 г., янв., февр.). Въ 1860 году онъ издалъ одну изъ самыхъ капитальныхъ своихъ работъ: „Нѣсколько статей объ апостолѣ Павлѣ“, — плодъ глу-

бокаго изученія посланій апостола языковъ, и еще сборникъ изъ разныхъ, напечатанныхъ раньше и вновь написанныхъ, статей подъ заглавіемъ: „О православіи въ отношеніи къ современности“. Этотъ послѣдній сборникъ и сдѣлался предметомъ нападеній „Домашней Бесѣды“.

Составъ книги былъ очень разнообразенъ. Въ немъ находимъ четыре статьи, прямо говорящія объ отношеніи современности къ православію (стр. 51, 56, 251, 303), упомянутую статью о принципахъ или началъ въ дѣлахъ житейскихъ или гражданскихъ (196), обширное письмо о двунадесятыхъ праздникахъ (стр. 3—50), нѣсколько статей по свящ. писанію и библейской исторіи домостроительства Божія о спасеніи рода человѣческаго (стр. 71, 93, 145, 168), педагогическія замѣтки о приготовленіи дѣятелей для обращенія заблуждающихся, и другія. Но всѣ эти статьи, проникнутыя одной идеей, представляютъ собою тѣсно между собою связанныя части или отрывки одной жизненной всеобъемлющей и всепримиряющей богословской системы и всѣ направлены къ одной общей цѣли—освѣтить свѣтомъ православія всѣ стороны человѣческой жизни и всѣ ихъ подвести подъ общее возглавленіе Христово. Мы не будемъ разсматривать эти статьи сборника порознь. Для пониманія возникшей изъ-за нихъ богословской полеми ки достаточно выяснить только главныя положенія и, общій строй изложенной въ нихъ богословской системы автора.

Основнымъ началомъ этой системы, составляющимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и исходный ея пунктъ, и средоточіе, и конецъ, было одушевленное ученіе архимандрита Ѳеодора объ Единородномъ Сынѣ Божіемъ, имя Котораго не сходило съ его устъ, личномъ Словѣ Божіемъ и всесовершенномъ Образѣ Отчей ипостаси, въ Которомъ силою Святаго Духа почила во всей своей полнотѣ любовь Отчая, составляющая самую сущность Божества, и черезъ Котораго, какъ первороженнаго всея твари, простерлась и на тварный міръ *).

*) Изображеніе домостроительства этой Божественной любви къ міру авторъ начинаетъ съ самаго созданія міра, которое онъ представляетъ актомъ не одного всемогущества Божія, но вмѣстѣ и любви Божіей и любви Единороднаго, Который въ самомъ началѣ міра, когда изрекалось всемогущее *да будетъ*, уже обрекалъ Себя на безконечное самоотверженіе и „божественное истощаніе“ для удержанія новотворимаго міра въ любви Отчей чрезъ принятіе на Себя всѣхъ

Всѣ эти догматическія основоположенія развиваются авторомъ разсматриваемой книги постоянно въ самой ихъ силѣ и жизненной правдѣ, не какъ только теоретическія истины вѣрующаго ума, но какъ истины, которыя нужно усвоять всею душою, которыя стоятъ въ непосредственной связи съ самою жизнію, съ современностью всѣхъ временъ, и которыя сами суть духъ и животъ. Созданный по образу Единороднаго, купленный Имъ цѣною воплощенія и цѣною Его Агнчей крови, человѣкъ уже весь, со всѣми своими силами, принадлежитъ Единородному; внѣ Христа, у него уже нѣтъ ничего своего человѣческаго,—своимъ осталось развѣ одно несвойственное человѣчеству, скотоподобное или даже прямо діавольское. Оттого, съ одной стороны, за все наше человѣческое мы должны

будущихъ грѣховъ міра, а потому и называется въ Писаніи *Агнцемъ, закланнымъ отъ сложенія міра* (Апокал. XIII, 8), отвѣтственною за весь міръ жертвою предъ Богомъ. На такомъ незыблемомъ основаніи любви Божіей, изливаемой на тварь ради и чрезъ Единороднаго, и стоитъ весь міръ въ своемъ благобытіи. При всѣхъ возможныхъ его нестроеніяхъ и мятежахъ, Отецъ небесный успокоивается невозмутимымъ благоволеніемъ въ Сынѣ, вземлющемъ отвѣтственность за все зло въ мірѣ на Себя. Иначе тварь сдѣлалась бы немедленно жертвою отверженія Божія и, слѣдовательно, смерти, гибели. Такимъ образомъ внѣ Христа Единороднаго, на Которомъ почила вся любовь Отчая со всею своею безконечною полнотою и со всею силою Св. Духа, уже нѣтъ никакой жизни. И самый конецъ тварнаго бытія, къ которому ведетъ это бытіе Первороденъ всея твари и ея Творецъ, состоитъ въ томъ, чтобы все оно было возглавлено въ Немъ же и чрезъ Него во Отцѣ силою Св. Духа (Ефес. I, 10). Тварь разумная, человѣкъ, такъ и созданъ, чтобы быть ему по образу Божію, Который есть Сынъ Божій, и живится Духомъ Божіимъ, почему и самая жизнь сообщена ему чрезъ вдуновеніе Божіе. Вводя людей въ отеческое благоволеніе Божіе, Первороденъ, не переставая быть Единороднымъ, такъ сказать, дѣлится съ ними и Своимъ сыновствомъ, не стыдясь ихъ *братіей нарицати* (Евр. II, 11).

Грѣхопаденіе оторвало человѣка отъ Источника его живота, какъ вѣтвь отъ лозы. Но остатки жизни еще долго сохранялись въ этой оторванной вѣтви, и любовь Божія, ради великой Агнчей жертвы, цѣлые вѣка поддерживала ихъ—въ избранномъ народѣ — прообразованіями, пророчествами, жертвами, указывавшими на единую всемірную жертву, и цѣлымъ закономъ сѣней, тѣломъ которыхъ, отбрасывавшимъ эти тѣни, былъ Христосъ же, Агнецъ Божій, а въ мірѣ языческомъ—чрезъ стихіи міра, видимыя творенія, и чрезъ свѣтеніе того внутренняго свѣта, которымъ единый *истинный* Свѣтъ—Сіяніе Отчее *просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ* (Іоан. I, 9). Историческія фазы такого промышленія Божія о падшемъ человѣкѣ и приготовленіе его къ открытію Агнчей жертвы въ самой дѣйствительности изложены въ статьяхъ книги;

стоять, какъ за собственность Христову, отъ которой Онъ уже не отречется, вознесшись съ нею и на небо, но, съ другой стороны, не должны, не имѣемъ права и стоять за что-нибудь человѣческое не во Христѣ, отдѣлять это человѣческое изъ области Его владѣнія и тѣмъ низвергать оное въ неизбѣжную пагубу. Христіанскія начала должны поэтому обнимать всѣ человѣческія состоянія, всѣ среды и порядки человѣческаго быта. Отдѣленіе отъ этихъ началъ такъ называемой свѣтской стороны жизни, наукъ, искусствъ, ремеслъ, общественной жизни, государства, политики, есть явленіе прямо противохристіанское и пагубное. Сынъ Божій Самъ поставилъ Себя во всѣ условія человѣческой жизни, и семейной и гражданской, былъ записанъ при рожденіи въ государствен-

---

объ особенностяхъ ветхозавѣтнаго возрѣнія, о Моисеѣ и отчасти въ письмѣ о праздникахъ. Такое промышленіе Божіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока и обветшавшій уже сѣновный законъ и стихіи міра, сами получившія у язычниковъ значеніе божествъ, не перестали удовлетворять духовнымъ потребностямъ погибавшаго человѣчества и не пришло время явиться самой благодати и истинѣ.

Въ письмѣ о церковныхъ праздникахъ архим. Ѳеодоръ далъ цѣлый рядъ чудныхъ картинъ изъ новозавѣтнаго домостроительства человѣческаго спасенія. Въ изложеніи догмата Боговоплощенія онъ особенно часто и съ особенной настойчивостью говоритъ о полнотѣ принятаго на Себя Единороднымъ человѣческаго естества и о безконечной полнотѣ спасительной благодати и совершенной Имъ жертвы. Въ ипостасное соединеніе съ Своимъ божествомъ Онъ принялъ все наше естество со всѣми духовными и тѣлесными свойствами послѣдняго, кромѣ грѣха, съ сознаніемъ, умомъ, воображеніемъ, волею и т. д., истощился за насъ по Своему человѣчеству до того, что былъ „яко младенецъ руконосимъ“, до подчиненія обыкновеннымъ условіямъ человѣческаго преуспѣянія въ премудрости, до невѣдѣнія предметовъ, не познанныхъ ощутительно, до подчиненія различнымъ условіямъ человѣческой жизни,—личной, семейной, общественной и гражданской, до самой даже смерти.

Въ разсужденіяхъ о тайнѣ Боговоплощенія у о. Ѳеодора есть одно мѣсто (стр. 42—45), гдѣ авторъ пытается (по чужимъ, впрочемъ, словамъ нѣкоего знакомаго философа) приложить къ этой тайнѣ философскіе пріемы изслѣдованія. Говоря о человѣческомъ мышленіи Спасителя, онъ находитъ, что Богочеловѣкъ познавалъ во внѣшнихъ предметахъ (объектѣ) свои же собственныя творческія мысли (субъектъ), которыя лежатъ въ основѣ всего сущаго, всего бытія, и что, такимъ образомъ, субъективное и объективное бытіе сливалось въ немъ въ нѣкоторое чудное тождество. Съ другой стороны, взявъ на Себя вины всѣхъ заблужденій нашего духа, истощившись до смерти, до нѣкоего ничтожества, Самъ будучи основаніемъ всякаго бытія, Онъ, по мнѣнію автора, явилъ въ Себѣ нѣкоторое тождество бытія и небытія. Смутно чувствовала такую тайну Богочеловѣка и философская мысль, но дѣтски наивно отнесла

ную ревизію, жилъ въ домѣ ремесленника, участвовалъ въ занятіяхъ рыбарей, признавалъ дань кесарю, Самъ подвергъ Себя тогдашнимъ судамъ и проч. Зачѣмъ же мы будемъ отдѣлять эти стороны жизни отъ Его благодати и устраивать ихъ, не возглавляя ихъ въ Немъ, помимо Него, какъ язычники или іудеи съ магометанами?

Обращаясь къ приложенію этихъ общихъ началъ „истины Христовой“ къ самой жизни, архимандритъ Ѳеодоръ въ разныхъ мѣстахъ своей книги, и особенно въ статьяхъ объ отношеніи православія къ современности, почелъ нужнымъ развить этотъ предметъ исторически, слѣдя за тѣмъ, какъ въ разныя времена православію приходилось приводить тѣ или другія свои стороны въ особенно живое движеніе по требованію особенныхъ современныхъ условій, какъ-то: въ періодъ

ее прямо къ человѣку и произвела, такимъ образомъ, системы Фихте, Шеллинга, Гегеля. Критика потомъ долго и сурово нападала на эти мысли, едва ли даже и принадлежавшія самому архим. Ѳеодору.

Вмѣстѣ съ человѣческимъ естествомъ Единородный благоволилъ принять на Себя и всѣ грѣховныя вины всего рода человѣческаго отъ Адама до антихриста, довести Свое „божественное истощаніе“ до понесенія на Себѣ даже всѣхъ оброковъ грѣховнаго омертвѣнія человѣческой природы, до крестныхъ страданій и смерти. Первороженъ всея твари сдѣлался и первенцемъ мертвыхъ (Колосс. I, 15—18), ибо къ Нему приразилась теперь вся безъ остатка совокупность мірового омертвѣнія, но зато, приразившись, вся же упразднилась въ самосущей полнотѣ Его безграничной жизни, что и выразилось въ Его воскресеніи. Такъ какъ Онъ воскресъ въ нашемъ же естествѣ, то совоскресилъ съ Собою и насъ. Съ тѣмъ же естествомъ Онъ вознесся и къ Отцу Своему, представивъ это естество въ собственномъ Своемъ лицѣ вѣчному благоволенію Отца и подъ вѣчное осѣненіе духа любви, и сталъ единымъ міровымъ первосвященникомъ—ходатаемъ Бога и человѣкъ, непрестанно предстоящимъ предъ престоломъ Божіимъ съ кровію Своихъ собственныхъ крестныхъ язвъ.

Кровію этою и запечатлѣлся новый завѣтъ, въ которомъ благодать Божія явилась уже не въ сѣняхъ стараго закона, а въ самомъ существѣ, въ открытомъ свѣтѣ, въ духѣ участія человѣка въ сыновствѣ и сонаслѣдіи съ Единороднымъ, потому что Единородный уже никогда не отречется отъ Своего человѣчества. Явилась новая Церковь—тѣло Его, которому Онъ глава, Церковь, внѣ которой нѣтъ спасенія, потому что внѣ Христа нѣтъ любви Отчей и благодати животворящаго Духа. Только въ Церкви человѣкъ крещается въ спасительную смерть Христову, облекается во Христа и запечатлѣвается печатію даровъ Св. Духа; только въ Церкви можетъ очищать свои грѣхи и тѣмъ возстановлять слабѣющую отъ нихъ свою духовную жизненность; только въ ней можетъ поддерживать свою жизнь во Христѣ, питаясь самимъ тѣломъ Его и кровію, и пользоваться другими таинствами Христовой благодати.

гоненій отъ іудейства и язычества, въ періодъ древнихъ ересей и соборовъ, въ борьбѣ съ католичествомъ, протестантствомъ и т. д. до нашего времени. При этомъ вездѣ онъ старается указывать, въ чемъ въ отношеніи къ истинѣ Христовой нуждается и наше время, и какіе въ его настроеніи и жизни недостатки могутъ напоминать своимъ характеромъ недостатки прежняго времени, и язычество, и жидовство, и разныя старыя ереси, и папство и т. д.

Особенно часто и съ особенною силою обличаетъ онъ въ христіанскомъ обществѣ направленіе іудейское, духъ подзаконной праведности, думающей оправдаться формальнымъ соблюденіемъ буквы закона и церковной внѣшности, но не проникающей въ живое ихъ значеніе и духовную силу, замѣняющей правду Божію фарисейскою правдою и крайне нечеловѣколюбиво, ригористично ревнующей по этой законной правдѣ въ отношеніяхъ своихъ къ другимъ, разнящимся въ соблюденіи обожаемыхъ ею формъ,—и еще другое, противоположное первому, направленіе языческое, проявляющееся въ болѣе или менѣе полномъ практическомъ отступленіи отъ Христа, въ изгнаніи Его изъ разныхъ областей духовной, всего чаще умственной, научной жизни, и въ служеніи, вмѣсто Него, разнымъ идоламъ—корыстолюбія, властолюбія, славолюбія и др. страстей, или идоламъ разума, долга, чести и модныхъ идей. Въ близкомъ родствѣ съ этими двумя направленіями выставляются въ книгѣ направленія католическое и протестантское, тоже сплошь и рядомъ проникающія въ среду православнаго общества.

Католическая церковь сильно погрѣшила противъ истины Христовой, подчинивъ себя видимой главѣ и сдѣлавшись чисто земнымъ обществомъ въ родѣ мірского гражданства; чрезъ это и истина Христова стала въ ней *законною буквою* какъ бы гражданскаго кодекса и окружилась строгою внѣшнею обязательностью и подавляющимъ религіозный духъ деспотизмомъ. Въ разсужденіяхъ о. Ѳеодора объ этомъ направленіи замѣчательны, между прочимъ, его замѣчанія о значеніи церковной іерархіи. Папство, по его словамъ, представляетъ собою какое-то невозможное въ Церкви намѣстничество Христово, только мѣшающее вѣрѣ прямо и непосредственно направляться во всемъ къ Самому Христу и разрывающее живую связь цер-

ковнаго тѣла съ его истинною Главою. Въ православной Церкви Глава ея всегда съ нею до скончанія вѣка и дѣйствуетъ въ ней Самъ непосредственно, не нуждаясь ни въ какомъ земномъ посредникѣ и намѣстникѣ. Члены ея іерархіи суть только Его служители и орудія Его собственной благодати; въ самомъ великомъ таинствѣ, совершаемомъ ихъ руками, они сами исповѣдуютъ, что глава Церкви Самъ есть и единый пренебесный іерей и вмѣстѣ единый жертвенный Агнецъ, Самъ есть „приносяй и приносимый, пріемляй и раздаваемый“. Поэтому и вѣрующіе православные, взирая на своихъ священнослужителей, должны взирать въ нихъ къ Самому Христу, единому Первосвященнику, въ чью благодать они облечены, хотя бы эта благодать была погружена подъ грубостію, корыстолюбіемъ и проч. Эта вѣра въ благодать священства, въ истинное дѣйствованіе чрезъ нее Самого Христа, подвизающаяся досягнуть Самого Христа и въ лицѣ недостойнаго Его служителя, быть-можетъ, и у него приведетъ благодать его священства въ живое движеніе и оживитъ его духъ.

Что касается до протестантства, то оно, возставъ противъ поработившаго свободу чадъ Божіихъ мнимаго авторитета папства, ударилось въ противоположную крайность свободы и не захотѣло уже подчиняться Самому Главѣ Церкви, подчинило произволу каждаго ума само слово Божіе и открыло такое направленіе въ христіанствѣ, которое стало развиваться внѣ Христова авторитета и внѣ Христовой Церкви, доходя въ своихъ крайностяхъ до настоящаго язычества. Проявленіе такого направленія въ нашей современности понятно само собою.

Несогласной съ духомъ православія архим. Ѳеодоръ считаетъ и замѣчаемую въ обществѣ вѣрующихъ крайне ригористическую духовность. „Бросимъ, говорятъ, —пишетъ онъ (стр. 68),—нашъ слабый человѣческій умъ, воображеніе, особенно эту бренную тѣлесность; вознесемся духомъ къ небесному и божественному. Хорошо, но не надо забывать и того, что во Христѣ человѣчество, и съ тѣлесностью, не было поглощено божествомъ, осталось цѣлымъ, какъ цѣлымъ осталось и Его божество,—и это для сохраненія и возвышенія нашей личности“ въ полномъ ея видѣ и въ ея истинномъ достоинствѣ. „Нѣтъ, духовность нашей жизни и дѣятельности состоитъ не

въ пареніяхъ, не хотящихъ знать человѣческой дѣйствительности, въ которую между тѣмъ нисходилъ ради насъ Самъ Сынъ Божій, а въ томъ, чтобы у насъ все, относящееся и къ дѣятельности душевныхъ силъ, и къ тѣлу, даже до вкушенія пищи и сна, все было по Христу и со Христомъ, слѣдовательно, подъ благословеніемъ Отца небеснаго и въ общеніи Св. Духа" (стр. 68—69). Духовность, высящуюся къ небу не совсѣмъ по Христу, слѣдуетъ поставить еще на землю, которую Христосъ такъ возлюбилъ и которая въ Немъ становится уже небеснымъ жительствомъ. Иначе эта духовность сдѣлается „какимъ-то страшилищемъ, котораго пугаются и убѣгаютъ всѣ труждающіеся и обремененные въ разнообразныхъ человѣческихъ нуждахъ и интересахъ", и само христіанство окажется „дальнимъ какъ будто не для земли и земнородныхъ, чтобы и на землѣ была воля Отца небеснаго, какъ на небѣ" (стр. 29).

Въ частности разумъ человѣческій, — онъ тоже Христовъ. Единородный искупилъ и его со всѣми его философскими и др. грѣхами. Презирать его за его киченіе и заблужденія такъ же несправедливо, какъ бранить вѣру за то, что она доходитъ иногда до суевѣрія и фанатизма. Нужно стараться, напротивъ, и его возглавить во Христѣ, потому что истинное самозаконіе разума только и мыслимо во Христѣ, единомъ законодателѣ его, а внѣ Христа—только паденіе разума и мракъ. Чтобы ни сдѣлалъ разумъ не во Христѣ, не по Его началу, съ цѣлями чисто мірскими, въ собственную свою славу,—во всемъ этомъ онъ похищалъ бы Божіе на гибель себѣ и человѣчеству. Очищенію Агнчей жертвы подлежитъ и искусство. Господь принялъ въ единство Своего „Я" и творческую фантазію человѣка, какъ и всѣ вообще способности человѣческой души; Онъ и Самъ въ Своемъ ученіи употреблялъ притчи, относящіяся къ художественной дѣятельности духа. Нужно только, чтобы какъ науки, такъ и искусства не выходили изъ-подъ Его возглавленія и чтобы мы пользовались ими въ духѣ Христовомъ, какъ пользовались ими и великіе отцы Церкви, изучавшіе даже языческихъ поэтовъ. Исторія, политика, астрономія, медицина, литература, живопись, ваяніе, — все можетъ быть предметомъ нашего вниманія, изученія, наслажденія, но при свѣтѣ Христовомъ, при направленіи нашей души къ Тому, Кто принялъ на себя все человѣческое, сталъ Агнцемъ зако-

ленія за все наше грѣховное, и Кто служитъ источникомъ всякаго блага, истины и добра не только въ ихъ совершенствѣ, но и въ разныхъ едва замѣтныхъ свѣтеніяхъ ихъ по многообразнымъ отраслямъ научной и художественной жизни человѣчества. При такомъ направленіи нашего духа сами эти стороны жизни человѣческой и цивилизаціи, часто преступно похищаемыя у Бога Слова человѣческимъ разумомъ, забывающимъ, что онъ и самъ есть собственность Христова, станутъ выходить изъ мертвенной внѣ Христовой области и мало-помалу возвратятся къ Нему. Такъ, сокровища Египта и Вавилона, очищенныя отъ своихъ скверностей языческихъ, перенесутся нами въ землю обѣтованную, въ наслѣдіе Единороднаго Сына Божія и подъ животворное осѣненіе благодати Св. Духа.

Наша вѣра и состоитъ въ томъ, чтобы во всемъ сообразоваться со Христомъ чрезъ благодатное общеніе въ Христовой любви, въ Его умѣ, расположеніяхъ и желаніяхъ,—словомъ, въ *мудрствованіи еже во Христѣ Іисусѣ* (Филипп. II, 5—8), и быть чуждыми всего, что не по Христу, ибо все имѣетъ основаніе своей существенности только въ Немъ. Для христіанина, облеченнаго во Христа при крещеніи, всякое дѣло есть Христово, есть дѣло пріобрѣтенія, воспріятія Христа, исполнившаго за насъ все и дающаго намъ благодать во всѣхъ положеніяхъ жизни приходить въ сообразованіе съ Нимъ, во всемъ имѣть Его живымъ своимъ образомъ и быть съ Нимъ въ живомъ общеніи. Даже при обычныхъ встрѣчахъ съ людьми развѣ намъ нельзя смотрѣть на нихъ, какъ на Его живыя иконы, какъ на благодатныхъ братій Его, за которыхъ Онъ принялъ Агнчее заколеніе, во всемъ лучшемъ у нихъ видѣть отсвѣтъ Его благодати, въ худшемъ—тяготу Его креста? Тогда и обычныя наши привѣтствія другъ другу не будутъ одной формою, а измѣнятся внутренно на истинныя и цѣломудренныя выраженія духа человѣколюбія Христова. Что мѣшаетъ остерегаться лицемѣрнаго униженія единственно только въ охраненіе чести нашего вышняго званія во Христѣ Іисусѣ? Съ другой стороны, и самыя черныя работы что̀ препятствуетъ производить какъ бы подъ непосредственнымъ смотрѣніемъ единаго всемірнаго Хозяина, благоволившаго до 30 лѣтъ жить въ домѣ простого тектона?

Даже при обыкновенномъ вкушеніи пищи можно видѣть очами вѣры Самого Христа, снисходившаго во плоти до удовлетворенія и этой потребности тѣла, и вкушать въ такомъ настроеніи духа, какъ будто Онъ Самъ вечеряетъ съ нами. Въ современномъ обществѣ господствуетъ чувственное, матеріальное направленіе, страстное алканіе земныхъ благъ, направленное къ заглушенію духовныхъ потребностей и представляющее собою страшное искушеніе для христіанина. Но, не отлагая необходимыхъ заботъ объ удовлетвореніи временныхъ нуждъ, даже о самыхъ удовольствіяхъ, развѣ нельзя прежде всего видѣть вѣрою въ этихъ же благахъ даровъ любви Отца небеснаго, Который именно Сыномъ Своимъ *даетъ намъ вся обильно въ наслажденіе* (1 Тим. VI, 17), и принимать все съ благодареніемъ и молитвою (IV, 5)? А чрезъ это будетъ уже оказываться въ насъ, среди самыхъ хлопотъ и заботъ, искапіе прежде всего вѣчныхъ благъ царства Божія. А если изъ нашихъ благъ будемъ дѣлать добро ближнему, въ лицѣ котораго принимаетъ его Самъ Господь, это уже посѣщеніе насъ Самимъ Имъ, Царемъ славы,—величайшее благодѣяніе не столько для принимающихъ, сколько для самихъ насъ—дающихъ. Въ такихъ настроеніяхъ всякое дѣло наше будетъ какъ бы непрерывное присутствіе предъ очами любви Божіей, въ храмѣ Божіемъ, какъ бы молитва, богослуженіе.

Самый же корень сообразованія Христу есть сообразованіе страстямъ Христовымъ и Его смерти, въ которую и крестится христіанинъ, т.-е. усвоеніе себѣ той самоотверженной до страстей и смерти Христовой любви, по которой Онъ взялъ на Себя чуждые Ему грѣхи человѣческіе и пострадалъ за нихъ, какъ бы за собственные. Чѣмъ болѣе христіанинъ будетъ приходить въ такое сообразованіе со Христомъ, тѣмъ болѣе будетъ болѣзновать о чужихъ немощахъ, какъ о своихъ собственныхъ; мало того, его собственныя немощи и его собственное омертвѣніе чрезъ отдѣленіе грѣхомъ отъ источника жизни Христа потому и будутъ для него особенно тяжелы, что они задерживаютъ токъ жизни о Христѣ для другихъ членовъ единаго тѣла Христова,—вѣдь мы всѣ уды единаго тѣла, слѣдовательно, и жизнь и омертвѣніе у насъ общія. Носить тяготы другъ друга, сраспинаться Христу за себя и за другихъ, — вотъ чѣмъ исполняется истинный законъ Хри-

стовъ. Въ одномъ сказаніи говорится, что для спасенія одного грѣшника Пресв. Богородица готова была ступить ногою даже въ геенскій огонь; такова сила того, если кто, движимый Богоматернимъ милосердіемъ къ погибающему, бросается спасти его съ готовностію для этого дойти хотя бы до ада. *Молилъ бых ся,* говоритъ апостолъ Павелъ (Рим. IX, 3), объятый такимъ духомъ Христовой самоотверженной любви, *молилъ бых ся самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по браціи моей.*

Вся книга о. Ѳеодора написана была въ чрезвычайно убѣжденномъ тонѣ; видно было, что авторъ излагалъ въ ней свои задушевнѣйшія и глубоко прочувствованныя мысли, проникавшія весь его духовный складъ, которыхъ онъ и не могъ даже не провозглашать, сообразуясь Единородному, принявшему на Себя всѣ людскія невѣжествія, дабы озарить ихъ Своимъ свѣтомъ. Изъ „Исторіи Казанской академіи“ мы видимъ, что свою основную идею о сообразованіи съ Единороднымъ о. Ѳеодоръ старался практически проводить даже въ своей инспекторской дѣятельности въ этой академіи. Смотря на свое инспекторское служеніе, какъ на богослуженіе, и сообразуясь по своей религіозной системѣ Единородному, онъ самъ, такъ сказать, принималъ на себя зракъ студента, старался жить одной со студентами жизнью, какъ членъ одного съ ними тѣла, одной маленькой Церкви, смотрѣлъ на все студенческое, какъ на свое и Христово, самыя вины студента считалъ своими собственными, какъ проявленія своей собственной мертвенности вслѣдствіе удаленія отъ Единороднаго, страдалъ за нихъ, какъ за свои вины, плакалъ, „сраспинался“ за нихъ Христу, „во гробъ полагался“ до тѣхъ поръ, пока не находилъ исхода своимъ скорбямъ или въ исправленіи студента, или даже въ собственной уступкѣ виновному изъ любвеобильнаго страха, не ломаетъ ли онъ эту молодую вѣтвь своею строгостью въ чемъ-нибудь подъ свою произвольную мѣрку, не подавляетъ ли въ молодомъ человѣкѣ чего-нибудь добраго, Христова *). Студенты съ своей стороны любовно берегли этого любящаго ихъ инспектора, щадили его нервную и хрупкую натуру и старались по возможности рѣже его огорчать.

*) „Исторія Каз. акад.“ I, стр. 178—179.

III.

Изданіе книги о православіи, отличавшейся такимъ новымъ, сердечнымъ и всепримиряющимъ направленіемъ, произвело въ свое время довольно сильное впечатлѣніе не только въ духовныхъ, но и въ нѣкоторыхъ свѣтскихъ кружкахъ. Въ духовной литературѣ еще не было до тѣхъ поръ ничего подобнаго. Книга написана была языкомъ довольно тяжелымъ, запутаннымъ и несовсѣмъ вразумительнымъ для заурядныхъ читателей большой публики. Глубоко убѣжденный въ своихъ идеяхъ, авторъ не заботился о внѣшнемъ ихъ изложеніи, думая, что идеи эти должны захватывать читателей сами собой, своей внутренней силой, да, пожалуй, и не умѣлъ, не могъ писать легче и яснѣе по самой новости своихъ взглядовъ; но это не помѣшало успѣху его книги. Въ духовныхъ журналахъ появились о ней сочувственные отзывы, — въ „Православномъ Обозрѣніи“ (1860 г., сент. кн.) и въ „Странникѣ“ (янв. 1861 г.), редакція котораго принимала участіе въ самомъ ея изданіи. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (1861 г., № 27) на нее и на другую книгу о. Ѳеодора объ апостолѣ Павлѣ напечатана была похвальная рецензія В. Царевскаго, гласившая, что этими двумя книгами о. Ѳеодоръ „можетъ возвышать духъ читателя къ созерцанію высшихъ христіанскихъ истинъ“ *). Съ особенными похвалами и раньше другихъ свѣтскихъ изданій отозвался о произведеніи о. Ѳеодора „Сынъ Отечества“. Но эти похвалы оказались въ концѣ-концовъ крайне невыгодными для автора, обративъ на него вниманіе Аскоченскаго, который постоянно враждовалъ съ „Сыномъ Отечества“. Авторомъ рецензіи былъ одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ „Сына Отечества“, А. И. Хитровъ, изъ воспитанниковъ Московской академіи (курса 1850—1854 годовъ) и бывшихъ слушателей архим. Ѳеодора, находившійся въ близкихъ съ нимъ отношеніяхъ и потомъ, преимущественно какъ съ цензоромъ по печатавшимся въ „Сынѣ Отечества“ статьямъ духовнаго содержанія. Аскоченскій, давно уже имѣвшій зубъ и противъ него и противъ о. Ѳеодора, горячо напалъ на восторженную

*) Книга о православіи была переведена даже на нѣмецкій языкъ и издана въ Лейпцигѣ.

рецензію, и началась между ними бурная полемика, скоро обратившаяся въ серьезную полемику двухъ разныхъ богословскихъ направленій, тянувшуюся потомъ не одинъ годъ.

Аскоченскій тоже былъ знакомъ съ архим. Ѳеодоромъ; „Домашняя Бесѣда“ постоянно печаталась подъ цензурой послѣдняго. Добрый и довѣрчивый о. Ѳеодоръ относился къ Аскоченскому со всей обычной своей ласковостью и доброжелательностью, но по своимъ убѣжденіямъ нерѣдко долженъ былъ приходить съ нимъ въ столкновеніе. „Ѳеодоръ,—разсказывается въ его некрологѣ лицомъ, близко его знавшимъ и свидѣтелемъ этихъ столкновеній *),—проповѣдывавшій любовь Божію, по которой Сынъ Божій для того и исходилъ на землю, сдѣлался человѣкомъ, вошелъ во всѣ условія нашей земной жизни, чтобы все земное (кромѣ грѣха, разумѣется) сдѣлать небеснымъ, по такому идеальному воззрѣнію былъ совершенною противоположностью редактору „Домашней Бесѣды“, который проповѣдывалъ религіозный формализмъ, а главное какую-то чисто злорадную безпощадность ко всему мірскому безъ разбора. Со скорбію прочитывалъ Ѳеодоръ его статьи съ такимъ направленіемъ; онъ рѣшительно былъ противъ этой нехристіанской безпощадности. Поэтому сначала онъ сталъ было поправлять подобныя статьи „Домашней Бесѣды“. Но послѣ выговора за то отъ своего непосредственнаго начальника (митрополита?), онъ пересталъ это дѣлать, или пропускалъ статьи безъ поправокъ, или же совсѣмъ запрещалъ“. Редакторъ „Дом. Бесѣды“, разсердившись на такія запрещенія, обратился къ конференціи С.-Петербургской академіи съ протестомъ противъ своего цензора „до того неприличнымъ и оскорбительнымъ, что конференція академіи послала Ѳеодору копію съ протеста, предоставляя ему вчиненіе иска за оскорбленіе его чести. Ѳеодоръ, разумѣется, оставилъ безъ вниманія это дѣло“. Этого мало: въ 1860 году, выпустивъ въ свѣтъ свою книгу, онъ почелъ нужнымъ подарить Аскоченскому экземпляръ ея, какъ своему хорошему знакомому, и довѣрчиво давалъ ему читать корректурные листы печатавшихся тогда своихъ „Трехъ писемъ къ Гоголю“ и нѣсколько главъ своей рукописи съ толкованіемъ на Апокалипсисъ, которое онъ считалъ самымъ

*) „Голосъ“ 1871 г., № 121.

лучшимъ своимъ трудомъ и которое тоже приготовлялъ къ изданію. Объ этихъ отношеніяхъ о. Ѳеодора къ Аскоченскому мы узнаемъ изъ разсказа въ одной статьѣ самого Аскоченскаго *). Но послѣдній не забывалъ причиненныхъ ему когда-нибудь неудовольствій.

Статья г. Хитрова предоставляла ему весьма хорошій поводъ сорвать свое сердце на о. Ѳеодорѣ, да кстати и на „Сынѣ Отечества". Сначала, по новости не бывалыхъ доселѣ нападеній критики на духовныя произведенія, онъ нѣсколько стѣснялся передъ задуманнымъ шагомъ. Въ той же сейчасъ процитованной статьѣ „Бесѣды" онъ разсказываетъ, что, находя въ книгѣ архим. Ѳеодора разные промахи, онъ не желалъ „наводить на нихъ современныхъ умниковъ", думалъ, что ее, какъ „книгу духовнаго содержанія, не станутъ читать,—и дѣло такъ и погаснетъ". Но явился дифирамбическій фельетонъ „Сына Отечества", и, будто бы „изумленный и испуганный возгласами рецензента, онъ тотчасъ же послалъ къ архим. Ѳеодору, испрашивая его согласія на отвѣтъ противъ статьи фельетониста: „Ну-ка, Авраамъ,—говорено было въ письмѣ,—принесите въ жертву своего Исаака". При этомъ было упомянуто, что въ отвѣтной статьѣ совершенно будетъ устранено имя ахрим. Ѳеодора, а рѣчь пойдетъ прямо и непосредственно противъ фельетона. „Мнѣ не въ первый разъ, — отвѣчалъ архим. Ѳеодоръ, — приходится приносить въ жертву своего Исаака; пишите, что знаете. Богъ вамъ въ помощь". Замѣчательно, что о. Ѳеодоръ самъ подписалъ и цензуру того 51 выпуска „Бесѣды" за 1860 годъ, въ которомъ помѣщена была отповѣдь Аскоченскаго **).

Въ дифирамбѣ г. Хитрова, на грѣхъ, въ самомъ дѣлѣ было нѣсколько слабыхъ пунктовъ, удобныхъ для нападенія. Онъ не совсѣмъ вѣрно представилъ самую основную тенденцію книги о. Ѳеодора — проводить истину Христову и православное направленіе во всѣ положенія современной жизни,—вмѣсто этой тенденціи выставилъ напередъ указанный нами выше добрый взглядъ о. Ѳеодора на свѣтскую сторону жизни и увидалъ въ немъ нѣчто въ родѣ двусмысленнаго стремленія

*) „Дом. Бес." 1861 г. № 7, стр. 141.

**) Послѣ этого „Бесѣда" выходила за цензорской подписью уже архим. Сергія; Ѳеодоръ отказался отъ ея цензуры.

примирить православіе съ современностью. „Да здравствуетъ современность,—восторженно восклицалъ фельетонистъ.—Ты не такъ дурна, какъ говорятъ о тебѣ; ты можешь жить въ мирѣ съ православіемъ!.. Даже старички, даже люди, удалившіеся отъ суеты житейской, люди, вскормленные инымъ молокомъ, взросшіе въ другихъ понятіяхъ,—и тѣ день ото дня все болѣе и болѣе бѣгутъ въ современный лагерь, и тѣ начинаютъ кричать: я современный человѣкъ, я говорю это во имя современности".

Воспользовавшись такою развязностью фельетониста, Аскоченскій горячо напалъ на эти „вакхическія", какъ онъ выражался, восклицанія. „Лучше бы разбранили почтеннаго автора сочиненія; лучше бы вовсе не было этого сочиненія! Такъ и кажется, что присутствуешь при жертвенникѣ, окруженномъ язычниками, которые восторженно аплодируютъ христіанину, отъ страха мученій возложившему огонь на алтарь богу чуждему, или видишь бѣсовъ, скачущихъ около преп. Исакія съ воплями: „Нашъ еси, нашъ еси! Воспляши съ нами!.." Эти господа забыли заповѣдь апостола не сообразоваться вѣку сему, забыли предостереженіе Самого Христа Спасителя искушать время, *яко дніе лукави суть*". Дальнѣйшее содержаніе статьи состоитъ въ изображеніи полнаго и потому непримиримаго контраста между православіемъ и современной испорченностью умовъ и нравовъ, между ученіемъ православной Церкви и современной проповѣдью матеріализма и сенсуализма. Свои горячія обличенія Аскоченскій, по обѣщанію, направлялъ, дѣйствительно, противъ фельетониста „Сына Отечества", но они не могли не задѣвать и самого о. Ѳеодора. Такъ, онъ прямо возстаетъ противъ ученія о. Ѳеодора—не пренебрегать во Христѣ никакими естественными силами человѣка, выставляя противъ этого ученія аскетическія требованія объ умерщвленіи плоти, софистически глумится надъ его положеніемъ, что, ненавидя грѣхъ, не слѣдуетъ ненавидѣть самого грѣшника, какъ будто де можно отдѣлять грѣхъ отъ грѣшника, какъ будто и Самъ Господь напрасно выгналъ Адама и Еву изъ рая,—можно бы выгнать отсюда одинъ только грѣхъ, не трогая грѣшниковъ. Коснувшись извѣстныхъ мыслей о. Ѳеодора о существованіи двухъ ложныхъ направленій въ христіанскомъ обществѣ—духовно-іудейскаго и духовно-языческаго, догадли

вый критикъ утверждаетъ, что къ первому направленію должны причисляться, конечно, всѣ православные, по мѣрѣ силъ работающіе Господу и не желающіе приставать къ современности и современному прогрессу. Не преминулъ онъ поглумиться и надъ философскимъ объясненіемъ земного мышленія и познанія Богочеловѣка, которое нашелъ въ книгѣ о. Ѳеодора. Утвердивъ между православіемъ и современностью пропасть великую, въ видѣ общаго результата онъ рѣзко замѣчаетъ, что вообще „человѣкъ, ратующій за православіе и протягивающій руку современной цивилизаціи,—трусъ, ренегатъ, измѣнникъ". Всѣ эти обличенія направлены были, очевидно, не на г. Хитрова, а уже на самого архимандрита Ѳеодора.

Возмущенный незаслуженными оскорбленіями, до глубины души задѣтый въ самыхъ завѣтныхъ своихъ убѣжденіяхъ, о. Ѳеодоръ немедленно отобралъ у Аскоченскаго всѣ свои рукописи и корректуры „съ необыкновенною торопливостью", какъ разсказываетъ въ цитованной статьѣ самъ Аскоченскій, и потребовалъ помѣщенія въ „Домашней Бесѣдѣ" отвѣтной статьи отъ своего имени. „Дружески заклиная Богомъ живымъ,— разсказываетъ Аскоченскій,—письменно убѣждалъ его редакторъ не производить соблазна, увѣряя, что вся бѣда пала и падетъ на фельетонъ,—архим. Ѳеодоръ остался непреклоненъ и написалъ, что онъ найдетъ другой органъ для своихъ оправдательныхъ статей. Редакторъ еще разъ приступилъ къ нему съ убѣдительнѣйшими просьбами не начинать этого опаснаго по своимъ послѣдствіямъ дѣла.—„Нѣтъ, писалъ архим. Ѳеодоръ, вы меня назвали ренегатомъ, отступникомъ,—могу ли я стерпѣть это?"

Оправдательныя статьи его явились въ „Сынѣ Отечества" *),—ихъ было двѣ. Но его оправданія и разъясненія только подлили масла въ разгоравшійся споръ. Въ новогоднемъ выпускѣ своей „Домашней Бесѣды" 1861 года редакторъ ея напечаталъ такую выходку: „Не понимаемъ, какъ могъ православный архимандритъ Ѳеодоръ по вопросу объ истинной вѣрѣ выбрать посредникомъ между собою и „Домашней Бесѣдой" сына отчизны, католика Альберта Викентьевича Старчевскаго (редактора „Сына Отечества"). Или уже онъ въ

*) „Сынъ Отеч." 1860 г., № 52 и 1861 г., № 2.

самомъ дѣлѣ хотѣлъ этимъ показать, какъ во имя современности и цивилизаціи православіе умѣетъ мириться съ католичествомъ и даже жидовствомъ. Пусть же о. архимандритъ Ѳеодоръ и остается покамѣстъ при такой обстановкѣ. Мы согласны и готовы отвѣчать ему на все, но только тогда, когда онъ явится съ своимъ протестомъ въ одномъ изъ нашихъ духовныхъ журналовъ и изложитъ свои убѣжденія со сдержанностью болѣе приличной его сану. Мы отнюдь не желаемъ такихъ важныхъ вопросовъ, какъ вопросъ о православіи, таскать и волочить по литературной площади, подъ конвоемъ Старчевскихъ".

Но, требуя отъ архим. Ѳеодора сдержанности, редакторъ „Бесѣды" самъ относился къ нему болѣе, чѣмъ несдержанно. Въ слѣдующемъ же выпускѣ „Бесѣды" онъ писалъ, что „о. Ѳеодоръ въ двухъ своихъ статьяхъ въ „Сынѣ Отечества" наколотилъ столько изгари, что ее не вытаскать и не выбросать въ цѣлый годъ (стр. 56)". Затѣмъ, не дождавшись отвѣта о. Ѳеодора на свой вызовъ, въ 4 выпускѣ „Бесѣды" онъ напечаталъ большую статью (стр. 66 — 89), подъ заглавіемъ „Православіе и современность", направленную, какъ сказано въ примѣчаніи, противъ „новоявленнаго примирителя православія съ современностью" и книги о. Ѳеодора „полной вопіющихъ заблужденій". „Соблазнъ," — говорится тутъ же, — тѣмъ болѣе опасенъ, что о. Ѳеодоръ упорно отстаиваетъ свои убѣжденія, окруживъ себя фельетонистами и избравъ органомъ своимъ журналъ, имѣющій большое число подписчиковъ. Милосердый Господь, повторимъ мы съ однимъ изъ писавшихъ намъ по поводу статей архим. Ѳеодора, да сохранитъ корабль Своей св. Церкви". Изъ самаго этого примѣчанія видно, что полемика съ самаго же начала собралась итти по ложному пути, неправильно понявъ основную мысль книги о. Ѳеодора— не православіе примирять съ современностью, а показать способы, какъ бы современную жизнь привлечь къ православію и просвѣтить его свѣтомъ. Не понявъ, даже не прочитавъ разбираемой книги, какъ слѣдуетъ, авторъ критики пошелъ по избранному имъ пути безъ оглядки, разсыпая направо и налѣво рѣзкости, преувеличенія, перетолкованія мыслей книги въ самомъ дурномъ, даже еретическомъ смыслѣ.

Прежде всего онъ съ чего-то взялъ, что архим. Ѳеодоръ гегельянецъ, и принялся бранить философію, особенно же этого „злого звѣря Гегеля, котораго любвеобильно гладитъ и ласкаетъ рука духовнаго писателя, торжественно произносящаго намъ въ назиданіе священныя рѣчи о православіи". Потомъ мы видимъ о. Ѳеодора приверженцемъ уже не только Гегеля, но и другихъ, вовсе даже непохожихъ другъ на друга философовъ,—Спинозы, Вольтера, Фихте и Шеллинга. Авторъ приходитъ въ ужасъ отъ мысли о. Ѳеодора, что Агнецъ Божій взялъ на Себя вину и философскихъ грѣховъ, такъ какъ де извѣстно, что Гегель и другіе философы умерли безъ покаянія, не разрѣшенные отъ грѣховъ православною Церковію; поэтому выходитъ, что Агнецъ Божій взялъ на Себя и проклятый пантеизмъ съ панкосмизмомъ, — „безчисленное количество знаковъ удивленія не въ состояніи выразить изумленія и ужаса, которыми не можетъ не содрогнуться при этомъ сердце каждаго сына Церкви Христовой". Духъ православія авторъ критики понимаетъ исключительно въ извѣстномъ ригористическомъ смыслѣ; оно „стоитъ, по его словамъ, столпомъ солнечнымъ предъ міромъ, лежащемъ во злѣ, на горѣ Аѳонской, на горахъ кіевскихъ, московскихъ и зауральскихъ" стоитъ въ полной и непримиримой враждебности къ современности, а современность представляется лежащею цѣликомъ во злѣ, соединеніемъ всѣхъ грѣховныхъ мерзостей сыновъ вѣка сего,—невѣрія, матеріализма, разврата, эгоизма и т. д. Кое же общеніе Христу съ веліаромъ?.. „За кого же, спрашивается, стоитъ архим. Ѳеодоръ? Яснѣйшимъ и безусловнѣйшимъ образомъ—за современность: она—его идеалъ, зеркало. Это не поклепъ, не придирки, а плачевная истина, которую самъ авторъ печатно исповѣдуетъ въ книгѣ своей. Значитъ,—спѣшитъ критика сформулировать свое общее проворное заключеніе, — значитъ: кути себѣ, грѣшникъ, сколько хочешь! Что тебѣ грѣхъ? Агнецъ Божій напередъ взялъ на Себя грѣхи всего міра... Вотъ къ какимъ тяжкимъ выводамъ можетъ повести любвеобильное ученіе объ Агнцѣ Божіемъ вземлющемъ на Себя и философскіе грѣхи". Къ такому тяжкому обвиненію бѣднаго архим. Ѳеодора въ статьѣ Аскоченскаго присоединяются и другія многочисленныя обвиненія такого же рода, совсѣмъ несогласныя ни съ образомъ мыслей Ѳео-

дора ни съ характеромъ его книги, выдуманныя самимъ критикомъ. И всѣ они сопровождаются разными колкостями и насмѣшливыми обращеніями: „Такъ-то, honoratissime, angelice magister!“ „Этакъ-то, doctor seraphimice!„ “Вотъ куда вы залѣзли, dignissime или serenissime!“.

Послѣ этого „Домашняя Бесѣда“ начала съ удивительною настойчивостью, не переставая, травить кроткаго человѣка чуть не въ каждомъ своемъ выпускѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ, какъ будто принявъ за правило извѣстное изреченіе: „Клевещите, клевещите, — изъ этого все что-нибудь да останется“. Напримѣръ, объясняя значеніе слова „индеферентизмъ“ (стр. 146), она замѣчаетъ: „Для индеферентиста нѣтъ грѣха, потому что всѣ грѣхи, включительно съ философскими, взялъ на Себя Агнецъ Божій. См. книгу о православіи“. Въ другомъ мѣстѣ, приписавъ появленіе этой книги попущенію Божію, „Бесѣда“ грубо замѣчаетъ: „Видно, нужно было, чтобы нравственная проказа, таившаяся доселѣ подъ покровомъ священной одежды свѣта и истины, выступила наружу, чтобы все, пропитанное духомъ школы и современной философіи, сказалось внутреннимъ своимъ содержаніемъ, стало предъ зеркаломъ православія, и чтобы рѣзче обозначились два супротивныхъ лагеря“ (стр. 143). На эту выходку, какъ увидимъ, обратило вниманіе даже духовное начальство.

Въ то же время Аскоченскій велъ не на животъ, а на смерть борьбу съ „Сыномъ Отечества“, крѣпко заступившимся за архим. Ѳеодора. Хитровъ помѣстилъ въ „Сынѣ“ нѣсколько статей въ защиту послѣдняго, а редакція перепечатала у себя добрый отзывъ о книгѣ о. Ѳеодора изъ сентябрьской книжки „Православнаго Обозрѣнія“ 1860 года. Въ одной статьѣ *) г. Хитровъ сильно поддѣлъ Аскоченскаго, завинивъ въ ереси его самого, на основаніи Катихизиса Филарета, за то, что онъ ограничивалъ всеобщность крестной жертвы Сына Божія, утверждая, что эта жертва не простирается на философскіе грѣхи. Припертый къ стѣнѣ, самомнительный богословъ поспѣшилъ отдѣлаться отъ такого обиднаго обличенія презрѣніемъ: „Уличеніе это такъ ребячески жалко,—писалъ онъ, не

*) „Сынъ Отеч.“, 1861 г., № 8.

зная, что сказать лучше,—что мы не сочли нужнымъ и останавливать на немъ нашего вниманія, въ той увѣренности, что второклассный гимназистъ и самый небойкій семинаристъ легко поймутъ несостоятельность его" (стр. 219). Послѣ, въ продолженіе полемики, ему еще разъ какъ-то указали на это неопровергнутое имъ обличеніе г. Хитрова, и онъ снова отдѣлался тѣмъ же способомъ, къ которому, замѣтимъ кстати, онъ обычно прибѣгалъ всякій разъ, когда его ставили въ невозможность защищаться. „Мы не намѣрены, — писалъ онъ (стр. 219), —преподавать г. Хитрову правилъ логики и герменевтики (?), которымъ, какъ видно, онъ не доучился въ школѣ, и надѣемся, что кто-нибудь изъ воспитанниковъ низшаго отдѣленія семинаріи укажетъ ему на неправильность его толкованій и скачки въ заключеніяхъ, которые, какъ ему извѣстно, по-латыни называются saltus in concludendo".

Въ полемикѣ съ „Сыномъ Отечества" редакторъ „Бесѣды" постоянно пробавлялся указаніями на иновѣріе издателя „Сына Отечества" А. В. Старчевскаго, съ которымъ, будто бы, архим. Ѳеодоръ и г. Хитровъ связались для того, чтобы принизить православіе до уровня поганой современности. „Новый проводникъ или органъ православія, издаваемый А. В. Старчевскимъ, — возглашала „Бесѣда" *), — принялся не на шутку просвѣщать насъ, людей православныхъ. Съ легкой руки архим. Ѳеодора, отдавшаго себя подъ защиту А. В. Старчевскаго, съ послѣднихъ №№ „Сына Отечества" за истекшій годъ нѣтъ почти ни одного выпуска, въ которомъ бы не толковалось вкривь и вкось о предметахъ священныхъ для всякаго русскаго человѣка. Во имя идеи примиренія православія съ современностью теперь уже и фельетонисты начали увѣрять насъ, что духовная и свѣтская литературы преслѣдуютъ одинаковую цѣль, ищутъ одинаково того, что истинно и благо... что, наприм., „Современникъ" съ своимъ свисткомъ, „Русскій Міръ" съ своимъ охриплымъ крикомъ, „Искра" съ карикатурами и балаганнымъ юморомъ и проч. и проч. заняты тѣмъ же, чѣмъ „Христіанское Чтеніе", „Духовная Бесѣда", „Душеполезное Чтеніе" и др. духовные журналы, не поддавшіеся увлеченію грѣховной современности. Начинается, значитъ

*) „Дом. Бес.", 11 вып. за 1861 г., стр. 208.

столпотвореніе вавилонское: *смѣси Господь устна всея земли*". Въ мартѣ 1861 г. одинъ изъ поклонниковъ „Домашней Бесѣды" прислалъ для нея статью противъ „Сына Отечества" съ эпиграфомъ: „Дай Богъ, чтобы для такого журнала, какъ „Дом. Бесѣда", всѣ православные сдѣлались грамотными людьми, а для такого, какъ „Сынъ Отечества", и неправославные разучились грамотѣ". Аскоченскій сейчасъ же отослалъ эту статью къ Старчевскому съ просьбой напечатать въ „Сынѣ Отечества".

Послѣ такой обиды Старчевскій, къ удивленію, вздумалъ еще объясняться съ редакторомъ „Бесѣды" и написалъ къ нему письмо, изложенное въ довольно миролюбивомъ тонѣ, въ которомъ просилъ его прекратить свою позорную и вредную для православія дѣятельность и дать своей „Бесѣдѣ" болѣе миролюбивое направленіе, и старался его увѣрить въ благонамѣренности „Сына Отечества" въ духѣ любви къ отечеству и полнаго уваженія къ православію; о себѣ онъ выражался, что, хотя онъ и католикъ, но ради служенія Россіи на поприщѣ печати онъ всегда оставлялъ свои религіозныя убѣжденія въ сторонѣ и велъ свой журналъ въ духѣ полнаго миролюбія. О „Домашней Бесѣдѣ" „Сынъ Отечества" ни разу не отзывался дурно до ея нападковъ на Пушкина, потомъ на архим. Ѳеодора. „Вы невѣрно и неблагородно напали на архим. Ѳеодора, позволивъ себѣ грубыя и нехристіанскія выходки противъ духовнаго лица. Я далъ мѣсто въ моемъ журналѣ оправданіямъ архим. Ѳеодора. Вы ожесточились и запутались во вторичномъ возраженіи,—я опять далъ мѣсто защитѣ архим. Ѳеодора и опроверженію вашихъ ошибокъ, т.-е. я далъ мѣсто статьѣ „Православнаго Обозрѣнія". Вамъ этого было мало, вы вышли изъ себя, сами запутались еще болѣе,—я не могъ не дать мѣста правдѣ, высказанной вамъ г. Хитровымъ, уличившимъ васъ въ неправославномъ взглядѣ. Вы продолжали еще,—я далъ мѣсто статьѣ „Христіанскаго Чтенія" и послѣднему отзыву г. Хитрова. Г. Аскоченскій! вы находитесь на ложной дорогѣ... Если вы въ разладѣ съ самимъ вашимъ православнымъ духовенствомъ и духовною литературою, то что я тутъ могу? Виноваты кругомъ вы во всемъ этомъ скандалѣ... Дѣйствуя такъ ожесточенно, со злобою, вы сдѣлаете болѣе вреда православію, чѣмъ пользы, что вамъ и доказали „Правосл. Обозрѣніе" и „Христіанское Чтеніе". Аскоченскій

цѣликомъ издалъ это письмо въ 11 выпускѣ своей „Бесѣды“, снабдивъ его подстрочными примѣчаніями самаго грубаго свойства: между прочимъ, онъ злостно намекнулъ здѣсь на добросовѣстность благонадежнаго редактора, который сталъ радѣть о православіи, оставивъ въ сторонѣ даже религіозныя свои убѣжденія. Этого мало,—не дождавшись отвѣта на свои выходки, чрезъ нѣсколько времени онъ напечаталъ въ „Бесѣдѣ“ свое послѣднее слово г. Старчевскому, гдѣ причислилъ его къ числу тѣхъ господъ, которые „уцѣкаіонъ до лясу“ (стр. 379).

IV.

Скоро „Домашняя Бесѣда“ добралась и до „Православнаго Обозрѣнія“, усмотрѣвъ, что и оно тоже принадлежитъ къ „супротивному стану“. Еще въ самомъ началѣ 1861 года она выражала желаніе, чтобы „Православное Обозрѣніе“ точнѣе отвѣчало своему названію (стр. 57). Потомъ въ журнальныхъ замѣткахъ ея 5-го выпуска (стр. 103) встрѣчаемъ ѣдкія насмѣшки надъ отзывомъ „Прав. Обозрѣнія“ о книгѣ о. Ѳеодора. „Бесѣда“ опрокидывается здѣсь на нечестивыхъ, по ея мнѣнію, примирителей православія съ современностью, въ родѣ архим. Ѳеодора, и на похвалы послѣднему, которыя неудивительны еще были бы въ какомъ-нибудь „Сынѣ Отечества“ или „Русскомъ Инвалидѣ“, но уже вовсе неприличны въ духовномъ журналѣ. „Невыносимо тяжело, что наша, такъ называемая, духовная литература, обнаруживая, какъ говоритъ рецензентъ „Прав. Обозрѣнія“, стремленіе войти въ живое соприкосновеніе съ общественною жизнію и дѣлая шагъ къ сближенію съ современной дѣйствительностію, забываетъ прямую заповѣдь: *не любите міра, ни яже въ мірѣ*“ и проч. Воинствующая Церковь всегда воевала съ современностью. „А вы, близорукіе учители, хотите помирить ее съ этимъ многоглавымъ чудищемъ, хотите заставить ее постыдно сдаться и такимъ образомъ лишить побѣднаго вѣнца! Жалкіе титаны міра христіанскаго!“

„Православное Обозрѣніе“, конечно, тоже не осталось въ долгу. Въ первой его книжкѣ за 1861 годъ появилась большая характеристика литературнаго служенія „Бесѣды“ въ

защиту православія. Указавъ на широкое распространеніе ея въ публикѣ и на то, что многіе, по недомыслію, принимаютъ ея мнѣнія за норму отношеній православія къ современности, авторъ статьи доказываетъ далѣе, что своими узкими и ригористическими понятіями о православіи, своими стараніями усилить разобщеніе между представителями православія и представителями современности, своей враждой противъ всякаго прогресса она только вредитъ православію, представляя его въ ложномъ свѣтѣ, какъ начало, враждебное всякому прогрессу, тѣмъ болѣе, что свѣтлый, высокій идеалъ его далеко еще не выясненъ вполнѣ,—великіе залоги для развитія человѣчества, въ немъ заключающіеся, не раскрыты. Редакторъ „Бесѣды“, по замѣчанію автора, отличается плохой логикой и излишнимъ задоромъ: изъ частныхъ фактовъ, изъ болтовни какого-нибудь фельетона онъ заключаетъ о вредномъ направленіи всей русской литературы, о томъ, что все современное общество развращено вконецъ и наступаетъ царство антихриста. Онъ возбуждаетъ недовѣріе ко всей современной наукѣ, честитъ самыми неуважительными именами великихъ западныхъ ученыхъ, наприм., Неандера, и благородныхъ общественныхъ дѣятелей русскихъ; клеймитъ память дѣятеля, жизнь котораго была служеніемъ человѣчеству (Бѣлинскаго?); въ сужденіяхъ своихъ о современномъ образованіи вообще обнаруживаетъ полное невѣжество и вражду какъ противъ научныхъ успѣховъ, такъ и противъ просвѣщеннаго рѣшенія современныхъ общественныхъ вопросовъ, а между тѣмъ выдаетъ свои мнѣнія за непреложную истину, говоритъ во имя православія и какъ будто отъ лица Церкви; за несогласіе со своими мнѣніями осмѣливается обвинять то того, то другого въ ереси, и т. д.

Это первое нападеніе со стороны уже не свѣтскихъ газетъ и журналовъ, а со стороны почтеннаго духовнаго журнала сначала заставило редактора „Бесѣды“ немного призадуматься, но, одумавшись, онъ разсердился и пошелъ на проломъ. Въ 7-мъ выпускѣ „Бесѣды“ (стр. 136—144) имъ напечатана была на статью „Прав. Обозрѣнія“ рѣшительная отповѣдь, въ которой почти всѣ обвиненія этой статьи онъ обращалъ себѣ въ честь и похвалу. „Православное Обозрѣніе“,—писалъ онъ;—обнявшись съ „Сыномъ Отечества“, жалуется,

что „Домашняя Бесѣда“ отпугиваетъ прогрессистовъ и цивилизаторовъ отъ православія и закрѣпляетъ разобщеніе между представителями православія и современности, — въ землю кланяемся за такое обвиненіе: оно стоитъ самой высокой похвалы. Вѣдь это вжилъ исторія съ Валаамомъ и Валакомъ. Вопросъ о возможности примиренія православія съ современностію мы на сей разъ обходимъ, потому что ему не мѣсто въ апологіи, имѣющей интересъ частный, а только скажемъ, поднявъ руку въ знаменіе клятвеннаго нашего обѣщанія предъ Богомъ, св. Его евангеліемъ, угодниками Божіими и христолюбивымъ русскимъ народомъ, что не уступимъ прельщенію, сколько бы прельстители ни насаживали себѣ на голову роговъ агничихъ, какъ бы ни стлали они мягко, какъ ни говорили бы медоточиво. Мы знаемъ православіе, ибо держимся всего того, что изложено въ символѣ вѣры; мы знаемъ православіе, ибо желаемъ хранить его святымъ и ненарушимымъ отъ всѣхъ вражескихъ прилоговъ современности съ ея прогрессомъ и цивилизаціей. Мы вѣримъ, вопреки „Правосл. Обозрѣнію“, что свѣтлый, высокій идеалъ православія выясненъ вполнѣ и великіе залоги для развитія человѣчества, въ немъ заключающіеся, раскрыты тоже вполнѣ символомъ вѣры и ученіемъ Церкви православной, а практически—въ подвигахъ святыхъ Божіихъ. Сущность православія понимаемъ мы, дѣйствительно, узко, именно въ рамкахъ, указанныхъ Церковію и вселенскими соборами; ни жида Спинозу, ни выкреста Неандера, ни полужида Ноака, ни раціоналиста Штрауса, ни безбожника Гегеля, дѣйствительно, не считаемъ благополезными для Церкви учеными, а считаемъ вредными даже для тѣхъ, кто проникаетъ въ нихъ съ мыслію объ Агнцѣ Божіемъ, вземлющемъ на Себя и философскіе грѣхи; ни съ толстыми, ни съ тонкими журналами мы не желаемъ якшаться, ни даже съ самимъ „Сыномъ Отечества“, даромъ что онъ „Сынъ“ ойчизны и отмѣнно полно изъясняетъ воззрѣнія о. Ѳеодора и что его рекомендуетъ „Прав. Обозрѣніе“. Переходя въ наступательное положеніе, Аскоченскій выражаетъ, наконецъ, сомнѣніе въ православіи самого „Прав. Обозрѣнія“ и сильное опасеніе величайшаго зла для Церкви и общества, если даже и духовные органы печати примутся одобрять и узаконять все, что ни выдумаетъ плотская современность, начиная отъ

поклоненія искусству до ухаживанія за камеліями въ какомъ-нибудь „Эльдорадо “или на „Минеральныхъ Водахъ“. Въ заключеніе онъ предлагаетъ всѣмъ отцамъ обозрѣвателямъ пропѣть вмѣстѣ съ нимъ 3-й ирмосъ канона на Срѣтеніе: „Утвержденіе на Тя надѣющихся“... Не лишнимъ считаемъ замѣтить, что въ этомъ сжатомъ очеркѣ статьи нашего острослова мы опустили для краткости очень много цвѣтовъ его дерзкаго и обиднаго острословія.

Въ слѣдующемъ 8 выпускѣ „Бесѣды“ Аскоченскій напалъ уже на самого редактора „Православнаго Обозрѣнія“ протоіерея и профессора Московскаго университета Н. А. Сергіевскаго. Поводомъ къ нападенію послужила проповѣдь о. Сергіевскаго на 12 января *), на университетскій праздникъ, о значеніи вѣры въ человѣчествѣ,—за то, что въ ней говорилось о вѣрѣ христіанской, даже вообще религіозной, а не въ частности о православіи. У проповѣдника выходило, будто „вѣра религіозная и преимущественно христіанская, побратавшись съ искусствами, литературой, краснорѣчіемъ и поэзіей (какъ проявленіями тоже высшей духовной жизни), сама потеряла свой божественно-строгій характеръ, и, слѣдовательно, сама какъ бы уже побѣждена міромъ... Болитъ душа невыразимою скорбью по прочтеніи слова „о значеніи вѣры въ человѣчествѣ“. Ищешь сладкаго и отраднаго сердцу русскому слова „православіе“, и вмѣсто того натыкаешься то на какую-то религіозную вѣру, то на безразличное, пустопорожнее безконечное совершенство, то на родство вѣры съ искусствами и художествами. Понятно теперь, почему какой-нибудь „Сынъ Отечества“ или, что то же, Альбертъ Викентьевичъ Старчевскій держитъ сторону „Прав. Обозрѣнія“ или Н. А. Сергіевскаго... Уже если на каѳедрѣ церковной примутся мирить ученіе вѣры Христовой съ знаніемъ, очень часто и почти открыто вземлющимся на разумъ Божій, то врядъ ли это будетъ полезно для той вѣры, которая, дѣйствительно, побѣдила міръ. Церковь православная на первой недѣлѣ св. Четыредесятницы, излагая ясно и положительно догматы христіанскаго вѣроученія, возглашаетъ, что только сія вѣра—апостольская, сія вѣра—православная, сія вѣра—вселенную утверди; всѣмъ же прочимъ вѣ-

*) Напечатана въ „Прав. Обозрѣніи“ въ 1861 г.

рованіямъ и своеобразнымъ воззрѣніямъ, своевольнымъ и суемудреннымъ, произноситъ... знаете, что?“

Это было уже слишкомъ. За почтеннаго о. Сергіевскаго и за честь самого университета вступилась корпорація товарищей профессоровъ съ редакторомъ во главѣ и напечатала въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ *) сильный протестъ противъ Аскоченскаго за множествомъ подписей, а нѣсколько времени спустя такой же протестъ напечатали профессора Харьковскаго университета, находя въ выходкѣ Аскоченскаго оскорбленіе не одного Московскаго, но всѣхъ вообще университетовъ. Протесты эти цѣликомъ были перепечатаны и въ „Домашней Бесѣдѣ“. Храбрый защитникъ православія встрѣтилъ ихъ колкими замѣчаніями по адресу „досточтимыхъ“ ученыхъ и упрямымъ заявленіемъ, что до послѣдняго издыханія будетъ стоять за православіе противъ всякихъ защитниковъ современности, хотя бы ихъ выступило въ 666 разъ болѣе теперешняго. Такъ какъ въ протестѣ московскихъ профессоровъ въ оправданіе о. Сергіевскаго было сказано, что проповѣдь его была только простымъ распространеніемъ извѣстнаго огласительнаго слова св. Кирилла іерусалимскаго, то Аскоченскій, издавъ у себя это слово цѣликомъ, въ особой статьѣ постарался доказать, что о. Сергіевскій съ своими профессорами все-таки не правъ: св. Кириллъ говорилъ вѣдь для оглашенныхъ, а не для просвѣщенныхъ профессоровъ высшаго россійскаго училища, да и то, начавъ съ религіи естественной все-таки довелъ свою рѣчь до вѣры христіанской, а въ проповѣди о. Сергіевскаго о вѣрѣ нашей не сказано ни слова, да ни разу не упомянуто и самое имя Христово **).

Все болѣе и болѣе разраставшійся скандалъ встревожилъ, наконецъ, даже высшее духовное начальство. Петербургскій митрополитъ Исидоръ, благоволившій къ Аскоченскому, склоненъ былъ считать виновниками всей тревоги архим. Ѳеодора съ его книгой и „Православное Обозрѣніе“, отнесшееся къ этой книгѣ слишкомъ, по его мнѣнію, легко. Но митрополитъ

*) „Моск. Вѣдом.“ 1861 г., № 87.

**) „Дом. Бесѣда“ 1861 г., вып. 17, стр. 366, и вып. 19, стр. 399—411. Протестъ харьк. проф—въ, вып. 21.

московскій Филаретъ, въ епархіи котораго издавалось „Обозрѣніе“ подъ ближайшимъ его надзоромъ и близкимъ къ нему лицомъ изъ московскаго же духовенства, смотрѣлъ на дѣло иначе. Поэтому, когда оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, графъ А. П. Толстой (въ началѣ марта 1861 г.), вошелъ съ нимъ по этому дѣлу въ конфиденціальную переписку *), высказываясь согласно съ мнѣніемъ митр. Исидора, московскій владыка отвѣчалъ (отъ 24 марта) на его письмо съ явнымъ неудовольствіемъ, стараясь всю вину происшедшихъ непріятныхъ тревогъ свалить на слабость петербургской духовной цензуры и оправдывая какъ свою московскую цензуру, такъ и свои московскія изданія.

„Петербургскій комитетъ, — писалъ онъ,—одобрившій къ напечатанію книгу архимандрита Ѳеодора, первый виновникъ того, что теперь происходятъ между вами и мною довольно затруднительныя отношенія“. Что касается до цензурнаго комитета Московской академіи, то онъ „въ сравненіи съ нѣкоторыми другими благополучнѣе сохранялъ себя отъ погрѣшностей, потому что члены его менѣе полагались на свою мудрость, менѣе любили дѣйствовать независимо, болѣе старались повѣрять свои сужденія взаимными совѣщаніями и сношеніями съ начальствомъ“. Обвиненія, возводимыя на духовную литературу и, конечно, на „Прав. Обозрѣніе“, касались „излишней, будто бы, ихъ уступчивости и какъ бы угодливой снисходительности въ отношеніи къ философскимъ воззрѣніямъ и требованіямъ міра“, преобладанія въ нихъ статей переводныхъ и изслѣдованій болѣе инославныхъ вѣроисповѣданій, чѣмъ православнаго. Митрополитъ отрицалъ справедливость подобныхъ обвиненій. Любопытно его сужденіе относительно послѣдняго обвиненія: „Если бы кто издавалъ политическое обозрѣніе и обозрѣвалъ только политику отечества, а не обращалъ вниманія на иностранную, не было ли бы сіе недостаткомъ изданія? Благонамѣренная критика не потребовала ли бы, чтобы обращаемо было вниманіе и на иностранную политику, частію по связи съ отечественною, частію по противоположности, частію для того, чтобы изъ чужихъ ошибокъ извлечь для себя правила осторожности. Сіе можно нѣкоторымъ образомъ при-

*) Переписка эта и письмо м. Филарета къ м. Исидору изданы въ „Собраніи мнѣній и отзывовъ м. Филарета“, т. V, ч. I, стр. 34—41 и 43—50.

мѣнить и къ обозрѣнію православному; надобно только внимательно наблюдать, чтобы обозрѣніе инославныхъ исповѣданій направлено было къ цѣлямъ православія". О книгѣ архим. Ѳеодора митрополитъ писалъ, что онъ ее не читалъ, но по доставленнымъ ему выпискамъ изъ нея, направленнымъ притомъ же къ ея осужденію, видитъ, что въ ней не отрицается ни одинъ православный догматъ, замѣчается только, что авторъ, „усиливая свое мудрствованіе до мечтательности, тогда какъ онъ думаетъ возвыситься въ созерцаніи истины, посредствомъ невѣрныхъ соображеній, впадаетъ въ нелѣпости, какъ, наприм., что во Христѣ бытіе и небытіе входили одно въ другое что онъ, архим. Ѳеодоръ, безъ философовъ не догадался бы, какое было мышленіе Спасителя въ земной жизни. Онъ говоритъ неправославно не потому, что думаетъ еретически, но потому, что думаетъ и говоритъ безтолково". „Ваше сіятельство были счастливѣе,—сказано въ концѣ письма,—передавая мнѣ мнѣнія *другихъ*, нежели я, который принужденъ высказывать и предавать на судъ мои мнѣнія. Но надѣюсь, что вы примите оныя со вниманіемъ терпѣливымъ и благосклоннымъ".

Къ письму приложена была копія съ предложенія митрополита московскому отдѣленію духовной цензуры объ усиленіи осторожности въ одобреніи статей, гдѣ обвиненія противъ „Прав. Обозрѣнія" и мнѣніе о нихъ митрополита высказываются съ большой полнотой. 1) По поводу книги о. Ѳеодора: „Не удивительно, что редакція предрасположена была смотрѣть на сію книгу съ доброй стороны и не подозрѣвать другого, потому что образъ мыслей сочинителя не подлежалъ сомнѣнію; потому что служеніе его цензоромъ показывало увѣренность начальства въ его православіи; потому что книга одобрена была къ печатанію духовною цензурою. Цензурное отдѣленіе не имѣло даже случая разсуждать о книгѣ архим. Ѳеодора, которая не была оному представлена и на которую только указывалось въ „Прав. Обозрѣніи". Но когда уже поднятъ былъ споръ о сей книгѣ „Домашнею Бесѣдою", осторожность требовала отъ редакціи прослѣдить всю книгу и при одобреніи достойнаго одобренія, отличить и обличить противное сему, каково, наприм., слѣдующее мѣсто (стр. 45): въ Немъ (въ І. Христѣ), въ Его самоистощеніи за грѣхи нашей мысли

и за всѣ наши грѣхи неизслѣдимо сходились бытіе и небытіе, входя одно въ другое въ тождествѣ или единствѣ Его „Я“. 2) „Прав. Обозрѣніе“, одобряя современность и не отдѣляя отъ сего въ ясныхъ выраженіяхъ темной стороны, само допустило неточность, тогда какъ обличало неточность „Дом. Бесѣды“, которая осуждаетъ современность, не отдѣляя свѣтлой ея стороны“. 3 и 4) Объ анабаптистѣ Спуржонѣ *) „Прав. Обозрѣніе“ выразилось неосторожно съ православной точки зрѣнія, что онъ возвратился въ нѣдра Церкви(?), успѣшно проповѣдывалъ христіанство и проч. 5) Оно „неумѣренно вдалось въ споръ съ „Домашнею Бесѣдою“, отъ которой нельзя было ожидать другого, какъ еще болѣе неумѣренныхъ пререканій“.

Въ то же время (отъ 31 марта 1861 г.) митрополитъ отправилъ конфиденціальное письмо къ митрополиту Исидору, въ которомъ писалъ, что, сдѣлавъ замѣчаніе отдѣленію московской цензуры, онъ „не могъ закрыть глазъ, чтобы не видѣть дѣйствія другой цензуры, тяжко поражающей „Правосл. Обозрѣніе“ и перваго редактора его. Благоволите прочитать прилагаемую при семъ записку о незаконномъ и причиняющемъ соблазнъ дѣйствованіи духовнаго цензора въ Петербургѣ. Надѣюсь, изволите оправдать меня въ томъ, что я не обратился съ симъ къ Св. Синоду, а избралъ путь болѣе скромный“. Дѣло касалось одобренія петербургскимъ цензоромъ, архим. Сергіемъ, статьи Аскоченскаго противъ проповѣди о. Сергіевскаго. Митрополитъ защищалъ о. Сергіевскаго тѣмъ же сравненіемъ его проповѣди съ огласительнымъ поученіемъ св. Кирилла, на которое указывалъ и протестъ профессоровъ Московскаго университета.

„Если найдутъ сравненіе неудовлетворительнымъ въ томъ, что св. Кириллъ говорилъ къ оглашеннымъ, а свящ. Сергіевскій—къ вѣрнымъ, на сіе надлежитъ сказать, что въ наше время между тѣми, которые называются вѣрными, не мало такихъ, которые нуждаются въ ученіи оглашенныхъ, и къ большому прискорбію это встрѣчается между людьми, которые болѣе другихъ имѣютъ притязаніе на просвѣщеніе. Доказательства сего видны и въ книгахъ и въ образѣ жизни“. За-

*) Статья о Спуржонѣ въ „Прав. Обозр.“ за 1861 г., январь.

щита митрополита вообще замѣчательно подробна по всѣмъ пунктамъ и для его манеры писать всегда кратко и сжато, можно сказать, даже многословна, — видно, что его задѣли чувствительно. О заключеніи статьи Аскоченскаго, гдѣ этотъ напоминаетъ о томъ, что Церковь возглашаетъ въ недѣлю Православія суемудреннымъ воззрѣніямъ, митрополитъ замѣчаетъ: „Итакъ, критикъ безъ суда церковнаго публично предаетъ священника анаѳемѣ, и духовный цензоръ это одобряетъ для напечатанія и опубликованія". Затѣмъ перечисляются съ замѣчаніями нѣкоторые другіе примѣры одобренія цензоромъ неприличныхъ и несправедливыхъ мѣстъ „Домашней Бесѣды". Въ № 7 на стр. 138 сказано: „Всѣмъ этимъ господамъ мѣшало распоряжаться по-своему въ станѣ Христовомъ православіе родной нашей матери Церкви,—и вотъ „Обозрѣніе", обнявшись съ „Сыномъ Отечества", отстраняетъ эту опасную для своихъ единомышленниковъ препону, отверзаетъ врата для современныхъ глашатаевъ полнѣйшей разнузданности"... На стр. 141 сказано: „Тутъ (въ „Прав. Обозрѣніи") нельзя не опасаться величайшаго зла и для Церкви и для благосостоянія общества, въ которое вносится и узаконяется все, что ни выдумаетъ плотская современность, начиная отъ поклоненія искусству до"... За симъ слѣдуютъ выраженія, которыя благонравная скромность не дозволила бы употребить въ разговорѣ съ благонравными и скромными людьми, и въ которыхъ заключена мысль, что будто „Прав. Обозрѣніе" вноситъ въ общество и узаконяетъ блудодѣяніе. — Стр. 143. „Видно, нужно было, чтобы нравственная проказа, таившаяся доселѣ подъ покровомъ свящ. одежды свѣта и истины, выступила наружу". Такъ „Дом. Бесѣда" изображаетъ архим. Ѳеодора. Духовный цензоръ одобрилъ здѣсь клевету на своего товарища по службѣ, о которомъ не могъ не знать, что нравственность его не подвергалась ни малѣйшему сомнѣнію. Печальный видъ представляетъ сіе дѣло. Обвиненіе на священнослужителя въ неправославіи и распространеніи разврата офиціально одобряетъ другой священнослужитель, цензоръ. „Если „Прав. Обозрѣніе", чтобы не увеличивать соблазна, замолчитъ, священнослужитель останется обиженнымъ безъ оправданія и удовлетворенія, и самое изданіе можетъ болѣе или менѣе пострадать. Если „Правосл. Обозрѣніе" напеча-

таетъ въ свое оправданіе нѣчто подобное тому, что здѣсь изложено, соблазнъ продолжится. Между тѣмъ на сіе оправданіе критикъ можетъ сказать свящ. Сергіевскому: „Молчи, твой собратъ меня одобряетъ, слѣдовательно, тебя обвиняетъ". Если же такому оправданію оказано будетъ довѣріе въ публикѣ, то сіе обратится въ обвиненіе духовной цензурѣ и, можетъ-быть, изъявится непріятное удивленіе тому, что предъ очами высшаго начальства одинъ священнослужитель угрызаетъ другого. По справедливости должно полагать, что дѣло сіе призываетъ вниманіе высшаго духовнаго начальства, чтобы уменьшить затрудненіе и пресѣчь продолженіе соблазна".

V.

Но пока оберъ-прокуроръ Св. Синода и митрополиты вели между собой конфиденціальную переписку о томъ, кто допустилъ разыгравшійся соблазнъ, и объ усиленіи цензурнаго надзора за духовною литературою, В. И. Аскоченскій успѣлъ приготовить новую и на этотъ разъ рѣшительную статью противъ книги о православіи, которая, по его расчету, должна была вконецъ поразить архим. Ѳеодора и всѣхъ примирителей православія съ современностью и закончить затянувшійся споръ полнымъ торжествомъ „Домашней Бесѣды" и защищаемаго ею православія. Считая эту статью особенно важной, онъ предварялъ своихъ читателей о выходѣ ея еще съ февраля мѣсяца (въ выпускѣ 7). Напечатана она была въ 14 выпускѣ „Бесѣды" 1861 г. (стр. 267—317) въ началѣ апрѣля. Писалъ онъ ее даже слишкомъ старательно, напрягая всю свою діалектику и пламенную ревность, но это-то самое ей и повредило. Діалектика ея постоянно переходитъ въ софизмы, перетолкованія разбираемаго текста и даже явныя клеветы. Вся полемика уснащена неприличными колкостями или же фальшивыми восклицаніями преувеличеннаго ужаса предъ еретичествомъ и нечестіемъ противника.

Статья такъ и начинается запугиваніемъ читателей въ расчетѣ настроить ихъ съ самаго начала въ духѣ предубѣжденія къ разбираемой книгѣ. „Это,—говоритъ критикъ,— неразмежеванное, черезполосное владѣніе постоянно ослабляемой истины и торжествующей неправды, опирающееся

на двухъ сильныхъ въ современности адвокатовъ своихъ—прогрессъ и цивилизацію. Если бы не свѣтъ православія, не всеоживляющая правда Церкви святой, то самый крѣпкій умъ закружился бы въ этомъ угарномъ дымѣ софистики, лжетолкованій, блудящихъ огоньковъ своеобразной истины, вдругъ вспыхивающихъ страшнымъ пламенемъ отрицанія и невѣроятнаго лжеумствованія, всѣмъ существомъ своимъ опирающагося на ученіи философовъ, цивилизаторовъ, филантроповъ и другихъ порожденій ехиднаго духа времени". Знакомый, хоть сколько-нибудь, съ книгой о. Ѳеодора не можетъ не замѣтить, что въ этой нескладной риторикѣ отвлеченно и искусственно подобранныхъ фразъ нѣтъ ни одного слова, приложимаго къ богословской системѣ и изложенію Ѳеодора и къ его вѣрующей и младенчески-чистой личности.

Суровый критикъ разбираетъ книгу не подъ рядъ, а синтетически, раздѣливъ ея содержаніе на 5 произвольныхъ отдѣловъ: о догматѣ искупленія, объ іудействѣ и язычествѣ въ православной Церкви, о наукахъ и искусствахъ, о сродствѣ современности съ православіемъ и о средствахъ къ спасенію человѣчества. Отдѣлы эти, впрочемъ, постоянно у него перепутываются, входя одинъ въ другой и не выдерживая своего спеціальнаго содержанія.

Въ разборѣ перваго отдѣла (стр. 264—271), изложивъ догматъ воплощенія Сына Божія, критикъ грубо нападаетъ на о. Ѳеодора, сравнивая его съ нечестивымъ Озою, простирающимъ дерзновенную руку, какъ на Божій кивотъ, на догматъ искупленія человѣчества. Въ доказательство приводятся слова новаго Озы, что Христосъ „принялъ нашу человѣческую природу и съ умомъ человѣческимъ, и съ сердцемъ, и съ волею, и съ воображеніемъ", но при этомъ опущено критикомъ выраженіе: „кромѣ грѣха", и прибавлено совершенно произвольно, „въ настоящемъ растлѣнномъ ихъ состояніи", съ явною цѣлью завинить критикуемаго богослова въ ереси, которой тотъ, конечно, никогда не былъ причастенъ. Божество—сама святость и грѣхъ понятія прямо одно другое исключающія и представить, чтобы Богъ могъ сдѣлаться грѣшнымъ человѣкомъ, невозможно было не только для Ѳеодора, но для самаго плохого богослова. Между тѣмъ, сдѣлавъ такую странную прибавку къ словамъ о. Ѳеодора, критикъ, ничтоже сумняся, выводитъ

изъ нея дальше одно страшное слѣдствіе за другимъ, сопровождая свою рѣчь актерскими жестами и интонаціями, притворными возгласами ужаса за православіе, негодованія на нечестіе новоявленнаго богослова, многими знаками вопроса и восклицанія и многими ругательствами, опущеніе которыхъ могло бы сократить его растянутую рѣчь, по крайней мѣрѣ, на двѣ трети.

Такъ онъ ужасается передъ кощунственнымъ, по его мнѣнію, выводомъ о. Ѳеодора изъ предыдущаго положенія, что мы не можемъ уже пренебрегать ни одною нашею природною силою, потому что всѣ ихъ усвоилъ Себѣ Сынъ Божій, что подавлять или насильственно искажать, убивать что-либо человѣческое, даже самую тѣлесность, кромѣ грѣха, значитъ, итти противъ Самого Христа, принявшаго человѣчество для спасенія, а не на пагубу чего-либо человѣческаго. Еще въ большій ужасъ приводитъ его извѣстное положеніе о. Ѳеодора, что Іисусъ Христосъ съ человѣческимъ естествомъ вознесся и на небо, дабы представить это естество, — „какъ оно есть“, прибавляетъ къ этому критикъ, т.-е. „растлѣнное“, — предстаьить въ полноту Отчей любви, владычества и славы, принадлежащую Христову божеству. Особенно возмущаетъ критика эта тѣлесность, которую Христосъ вознесъ на небо и которой поэтому не слѣдуетъ пренебрегать. Хотя критикуемый авторъ вездѣ оговаривается, что подъ человѣческимъ онъ вездѣ разумѣетъ истинно-человѣческое, первозданное, правое и чистое, отличное отъ всего нечеловѣческаго, составляющаго уже порчу, униженіе, грѣховность человѣка,—критикъ не вѣритъ этимъ оговоркамъ. „Вы хотите отдѣлить порчу и разрушеніе, — говоритъ онъ, — отъ обожаемой вами тѣлесности, т.-е. отъ того, на что жаловался самъ апостолъ Павелъ (Римл. VII, 23—24), съ чѣмъ до послѣдняго издыханія боролись святые подвижники и праведники, неуклонно шествовавшіе тѣснымъ путемъ креста,—да развѣ это возможно? Гарантируя обожаемую вами тѣлесность тѣмъ, что она была принята Самимъ Господомъ,— не то ли вы говорите и утверждаете, что человѣчество Его было человѣчествомъ ветхаго Адама со всѣми его немощами, неистребимо оставшимися въ естествѣ человѣческомъ“... „Стало-быть, защищая такую тѣлесность съ ея проявленіями въ избранныхъ и неизбранныхъ,

вы и отверженіе такой тѣлесности считаете возстаніемъ противъ Христа? Богъ съ вами! Что вы это говорите?“ Далѣе читаемъ: „Ради Самого Бога, укажите же намъ хоть что-нибудь истинно-человѣческое въ падшемъ, растлѣнномъ человѣчествѣ, когда мы и *помыслити что доброе не можемъ отъ себе, яко отъ себе...* когда и правда наша предъ Богомъ, *якоже порть нечистыя?*“ Тѣлесность вообще во всей критикѣ Аскоченскаго смѣшивается съ плотію, или тѣлесной, чувственной грѣховностью, чѣмъ и объясняются всѣ возводимыя имъ на противника обвиненія. Испорченность человѣческой природы доводится у него до того, что онъ возстаетъ даже противъ любимой мысли о. Ѳеодора, что Господь просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, между прочимъ, самыми идеями, которыя вложены Имъ въ разумъ человѣка и которыя суть свѣтенія Его собственнаго свѣта; идеи эти критикъ считаетъ тоже растлѣнными и безконечно далекими отъ свѣта Божественнаго. Поэтому такое пріуроченіе свѣта Христова къ врожденнымъ идеямъ въ одномъ мѣстѣ критики онъ прямо называетъ выдумкою начальника тьмы (стр. 316). „Притомъ же, если допустить,—продолжаетъ онъ,—что Христосъ просвѣщаетъ людей идеями, открытыми эстетикой и философіей, то Онъ (прости, Господи, наше прегрѣшеніе) есть только обыкновенный учитель и просвѣтитель человѣчества. Мысль ужасная!“ восклицаетъ критикъ, пораженный своей ужасной логикой.

„О, Гегель, Гегель!—заключаетъ онъ свой первый отдѣлъ.—Растлитель умовъ неопытныхъ и неискусившихся въ разумѣ Божіемъ! Слышимъ во всемъ этомъ погибельное ученіе твое! Ты твердилъ адептамъ своимъ, что все, что есть, то благо, разумно и необходимо,—и вотъ они стихійное мудрованіе твое пріурочили къ святѣйшей и высочайшей тайнѣ искупленія. Не твои ли логическія формулы лежатъ въ основѣ вотъ хоть бы этихъ мыслей автора, приникавшаго къ ученію твоему съ мыслію объ Агнцѣ Божіемъ, вземлющемъ на Себя и философскіе грѣхи: Христосъ все зло и грѣхъ вознесъ съ Собою на крестъ, слѣдовательно, все, что теперь есть,—философія, эстетика, наука, искусство, всѣ наслажденія вѣка, всѣ лакомства современности не имѣютъ въ себѣ ни крупинки зла, грѣха и вины? Все уплачено, все заглажено однажды на всѣ времена;

ты ни за что не отвѣчаешь, ибо безгрѣшный Агнецъ Божій все взялъ на Себя, и потому всегда виноватъ твоею виною". Такимъ образомъ критикъ оставилъ безъ вниманія все высоконравственное ученіе автора, далеко превосходящее его собственное нравственное ученіе, которое почти нигдѣ не выступаетъ изъ предѣловъ одного внѣшняго подвига. Но такъ какъ нѣкоторыхъ мыслей изъ этого нравственнаго ученія все-таки невозможно же было ему не замѣтить, даже въ тѣхъ самыхъ отрывкахъ, которые подвергались его критикѣ, и ихъ нельзя было обойти, то онъ, чтобы остаться вѣрнымъ своимъ обвиненіямъ, объясняетъ эти мысли тѣмъ, что авторъ противорѣчитъ самому себѣ, и отсюда выводитъ новыя противъ него обвиненія въ недостаткѣ логики и въ сокрытіи своей настоящей нечестивой мысли подъ благовиднымъ покровомъ.

Второй отдѣлъ критики (стр. 271—277) менѣе важенъ. Аскоченскій горячо вооружается здѣсь противъ той мысли, будто бы въ православной Церкви, которая есть свята и непорочна, могутъ быть какія-то духовно-жидовскія или даже духовно-языческія Христо-враждебныя направленія. Для пущей силы своей критики онъ даже и заглавіе отдѣлу далъ съ искаженіемъ выраженій о. Ѳеодора: „Объ іудействѣ и язычествѣ, якобы существующихъ въ Церкви православной", вмѣсто: „О господствующихъ въ современномъ христіанскомъ обществѣ направленіяхъ (такихъ-то)". Затѣмъ онъ долго распространяется о томъ, что здѣсь неправильно употреблено слово „духовно", такъ какъ „духъ", по тогдашней кіевской психологіи, признававшей трехчастное раздѣленіе человѣческой природы—на духъ, душу и тѣло, выражаетъ болѣе высокое понятіе, и что тутъ нужно было бы употребить слово „душевный". Далѣе, привязавшись къ выраженіямъ архим. Ѳеодора, что законы и учрежденія церковныя, даже догматы православія, доводятся духовно-іудейскимъ формализмомъ до мертвой буквы, критикъ много распространяется о святости православныхъ догматовъ, спасительности церковныхъ правилъ и о томъ, какъ необходима для насъ церковная внѣшность, что благодать даже самихъ таинствъ Церкви необходимо связана съ формой и буквой. Сказано здѣсь также много, по обычаю, прочувствованныхъ словъ противъ обличенія о. Ѳеодоромъ мертво-іудейскаго направленія въ суровой жесткости, крайней религіозной ревности

въ отношеніи къ людямъ, и противъ извѣстнаго положенія, что не надобно щадить грѣха, но слѣдуетъ любовно относиться къ самимъ согрѣшающимъ; критикъ по этому случаю снова и рѣшительно повторяетъ свою, прежде высказанную, мысль о неотдѣлимости грѣха отъ личности самого грѣшника.

Съ отдѣла о наукахъ, искусствахъ и житейскихъ угодьяхъ начинается, по словамъ критика, самое примиреніе православія съ современностью. Отдѣлъ этотъ (стр. 277 — 297), впрочемъ, сливается у него съ слѣдующимъ (297—306)— о современности, способной, будто, бы сродниться съ православіемъ; оба они написаны спутанно и безъ разграниченія своихъ предметовъ. „Боже мой милостивый!—иронизируетъ Аскоченскій.— Какъ хорошо говоритъ о. архимандритъ Ѳеодоръ! Любвеобилія-то сколько, доброты-то! Все, говоритъ, употребляйте, начиная отъ благочестія и правды до послѣднихъ земныхъ потребностей, но только во Христѣ. Вообще архим. Ѳеодоръ имя Господа Христа ставитъ ширмою, какъ бы покровомъ для закрытія иногда слишкомъ уже рѣзко выдающагося безобразія его принциповъ". Содержаніе этихъ отдѣловъ все сводится къ отрицанію всякой возможности сблизить науку, искусство и житейскія угодья съ православіемъ.

Приводя слова самого о. Ѳеодора, что „большая часть наукъ и искусствъ западно-образованнаго міра, перенесенныхъ и къ намъ, основаны не во Христѣ" и что ихъ надобно возвратить Христу, какъ непреложную Его собственность, критикъ спрашиваетъ: „Но какъ же вы возвратите Христу Богу то, что, по вашему же собственному освидѣтельствованію, осквернено всякою нечистью современности? Какъ вы представите Ему такихъ похитителей, какъ лжебогословы Бэмъ, Шведенборгъ, Неандеръ, Штраусъ, какъ философы—Кантъ, Вольтеръ, Гоббесъ, Овенъ, Оконъ, Гегель, какъ поэты—Байронъ, Гюго, Беранже, какъ... да кто ихъ пересчитаетъ всѣхъ этихъ новыхъ прометеевъ въ мірѣ науки, искусствъ и художествъ?" Онъ выражаетъ полное недоумѣніе и даже непониманіе, что значитъ это возвращеніе плодовъ цивилизаціи Христу, что выйдетъ, напр., изъ того, если мы объявимъ собственностью Христа барометры, пароходы и проч., и на что они Ему, для Котораго жертва *духъ сокрушенъ и смиренъ*. Очевидно, онъ вовсе не могъ понимать нравственной системы разбираемаго имъ

автора. Во всѣхъ его дальнѣйшихъ разсужденіяхъ разумъ человѣческій является у него исключительно лжеименнымъ, философія и др. науки — враждующими съ православіемъ, всѣ удобства жизни, искусства, изобрѣтенія, улучшающія внѣшній бытъ,—осквернеными духомъ современности, одною прелестью міра, только мѣшающею спасенію и ничтожною въ сравненіи съ вѣчностью. Нечего и церемониться съ этою цивилизаціей, поддѣлываться къ ней будто бы изъ опасенія, какъ бы не оттолкнуть дѣятелей современности отъ православія:„... это не больше, какъ политика іезуитовъ, которые, поддѣлываясь къ язычникамъ для уловленія ихъ своему вѣрѣ, фабрикуютъ и продаютъ имъ цѣлые грузы идоловъ. Для вѣрности Христу нужны не науки, а простота вѣры, потому что тайны Христовы открываются не мудрымъ и разумнымъ вѣка сего, а младенцамъ". Съ особенною силою критикъ полемизируетъ противъ той статьи книги о. Ѳеодора, гдѣ этотъ говоритъ о невѣріи Ѳомы и выставляетъ его въ примѣръ, по которому современность можетъ благонаправлять „одну изъ самыхъ слабыхъ своихъ сторонъ, открытую для великихъ опасностей, именно свою пытливость и неудободвижимость къ простотѣ вѣры". Это, по мнѣнію критика, есть преступное злоупотребленіе священнымъ именемъ апостола для того, чтобы гарантировать современное невѣріе.

Вниманіе къ современности со стороны архим. Ѳеодора Аскоченскій прямо называетъ уклоненіемъ отъ руководства св. Церкви, потому что Церковь „никогда не допуститъ въ свои материнскія нѣдра современную намъ цивилизацію, никогда не позволитъ распоряжаться въ священной своей области наукѣ, искусствамъ и всѣмъ проявленіямъ душевности, возводимымъ архим. Ѳеодоромъ на степень духовности". Православіе и современность—это два стана, вѣчно враждующіе, вѣчно непримиримые. Въ послѣднемъ станѣ все похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская; на этомъ основаны и всѣ науки и искусства современности. „Театры, балы, маскарады, успѣхи пѣвцовъ и пѣвицъ, танцмейстеровъ и танцовщицъ, балетмейстеровъ и плясуновъ на канатѣ, загородныя гулянья съ танцами и музыкой, всѣ наслажденія, сдѣлавшіяся потребностію вѣка, за которыя такъ упорно стоитъ арх. Ѳеодоръ, ограждая ихъ даже словами апостола,—неужели всѣмъ этимъ

можно заниматься со Христомъ и вести дѣла такого рода по духу Его?“

Въ примѣръ полезнаго для христіанина пользованія мірской наукой и литературой о. Ѳеодоръ указывалъ на свв. отцовъ, изучавшихъ даже языческую науку и литературу. Противъ этого бывшій профессоръ патрологіи гордо возражаетъ, что, „значитъ, онъ, Ѳеодоръ, плохо изучалъ синодологію и патрологію, когда не знаетъ, что постановленіемъ вселенскихъ соборовъ въ предложеніяхъ, погрѣшительныхъ противъ теоріи и практики Церкви православной, мнѣнія одного, даже двухъ и трехъ общечтимыхъ отцовъ никогда не составляли авторитета, и что, пока отцы и учители наши оставались подъ вліяніемъ школы, ихъ размышленія необходимо проникались духомъ ея; въ ихъ писанія вкрадывались погрѣшности, свойственныя тогдашнему состоянію науки... Св. Кипріанъ Карѳагенскій чего-чего не изучалъ, чѣмъ-чѣмъ не занимался до обращенія своего ко Христу; слѣдуетъ ли изъ того, что и православному христіанину можно заниматься тѣмъ же? Свв. жены, Марія Египетская, Евдокія, Таисія, проводившія жизнь по всѣмъ правиламъ современной цивилизаціи, могутъ ли гарантировать этимъ и нынѣшнихъ Евдокій и Таисій?“

Не будемъ приводить дальше всѣхъ мыслей и пріемовъ автора критики, которыми онъ старается выставить всю богопротивность разныхъ сторонъ современной жизни и вконецъ завинить о. Ѳеодора за его попытки внести въ этотъ темный міръ лучъ православнаго свѣта. Не будемъ разбирать и послѣдняго отдѣла критики о средствахъ къ спасенію человѣчества, менѣе всѣхъ другихъ отдѣловъ замѣчательнаго. Направленіе мыслей и взгляды Аскоченскаго и его „Домашней Бесѣды“ на книгу архим. Ѳеодора выяснились, кажется, достаточно и изъ сказаннаго. „Нѣтъ,—говорится въ заключеніе всей критики, — нездравыхъ словесъ не нужно русскому народу, не нужно проповѣдниковъ лжи, отвергающихъ истину Христову, хранимую въ Церкви православной. Пусть такія книги издаются, гдѣ угодно, а не на святой Руси среди народа православнаго, для котораго вѣра — основаніе всей его жизни... Православные, *внемлите отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ въ одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы*“ (Матѳ. VII, 15). Все оканчивается молитвою объ о. Ѳеодорѣ:

„Настави его, Господи, на путь Твой, да пойдетъ онъ въ истинѣ Твоей и да припадетъ въ слезахъ покаянія къ стопамъ оскорбленной имъ матери—Церкви православной".

VI.

Печатая свою критику, редакторъ „Домашней Бесѣды" думалъ этимъ *службу приносити Богу*, считалъ это исполненіемъ своего долга предъ православной Церковью и не думалъ о томъ тяжеломъ впечатлѣніи, какое производила его дѣятельность вверху духовной администраціи. Доходили до него какіе-то неблагопріятные для него слухи, что его „Бесѣду", ради соблазна, пожалуй, заставятъ и замолчать, но онъ не боялся этихъ слуховъ, пользуясь расположеніемъ митрополита Исидора. Въ одномъ изъ примѣчаній къ своей критикѣ онъ писалъ (стр. 271): „Къ несчастію, сѣяніе архим. Ѳеодора уже начинаетъ приносить плоды по роду своему. Явились лжетолкователи, прорицающіе отъ чрева своего, хитрецы, извращающіе смыслъ здравыхъ словесъ и прямо требующіе, чтобы умолкъ гласъ вопіющаго въ пустыни. Что же, если Богъ попуститъ, то и умолкнетъ. Тогда... да здравствуетъ современность! Да здравствуютъ всѣ ревнители ея отъ архим. Ѳеодора до гг. Старчевскаго и Хитрова включительно!" Въ 21 выпускѣ „Дом. Бесѣды" того же 1861 года онъ помѣстилъ статью подъ заглавіемъ „Золъ глаголъ", въ которой, обращаясь къ суду общественнаго мнѣнія, перепечаталъ, съ своими, конечно, примѣчаніями, цѣлый рядъ обличеній противъ своего журнала изъ „Русскаго Инвалида", „Русскаго Міра", „Правосл. Обозрѣнія", Искры" и „Сына Отечества". Примѣчанія къ этимъ злымъ глаголамъ на „Бесѣду" оканчиваются торжественнымъ обѣщаніемъ: „Если кто дерзнетъ нечистою рукою коснуться кивота вѣры православной и вѣчнаго принципа, котораго держится и до конца будетъ держаться „Домашняя Бесѣда", то она не перестанетъ возвышать гласъ свой, яко трубу, и съ Божіей помощію разбивать впрахъ всѣ глиняныя построенія современности.

Почтенный Викторъ Ипатьевичъ могъ быть совершенно спокоенъ за свою „Бесѣду". Въ извѣстнаго рода духовныхъ и свѣтскихъ кружкахъ она продолжала считаться полезнымъ

органомъ православія, несмотря на свою бранчивость и нѣсколько безцеремонную для духовнаго дѣла растрепанность. Въ числѣ сотрудниковъ ея встрѣчаемъ нѣсколько весьма почтенныхъ именъ изъ нашего духовенства. Въ полемикѣ ея противъ архим. Ѳеодора большинство нашихъ тогдашнихъ іерарховъ было на ея же сторонѣ, а не на сторонѣ о. Ѳеодора. Разныя инсинуаціи ея редактора во имя православія, горячія рѣчи противъ друзей современности, растворенныя не одной солью, но и перцемъ, правились и принимались во вниманіе. Нападенія его на книгу о. Ѳеодора были софистичны, часто явно недобросовѣстны, но этого не могли видѣть важные читатели „Бесѣды", знавшіе о критикуемой книгѣ только по выдержкамъ, какія изъ нея дѣлалъ самъ критикъ, выхватывая изъ нея только то, что ему было нужно, и притомъ отрывочно, безъ контекста и даже въ искаженномъ видѣ. Настоящее достоинство критики Аскоченскаго можно оцѣнить только черезъ сличеніе ея съ самой книгой о. Ѳеодора, но книги этой не читалъ, какъ мы видѣли, самъ митроп. Филаретъ, единственный сильный человѣкъ, который зналъ о. Ѳеодора очень близко, былъ когда-то его покровителемъ, любилъ его и могъ бы его поддержать. Замѣчательно, что въ продолженіе всей этой полемики Аскоченскій ни разу не упоминалъ о другой, одновременно изданной, книгѣ о. Ѳеодора: „Нѣсколько статей о св. апостолѣ Павлѣ" (Спб. 1860 г.), которую еще въ рукописи читали и митр. Филаретъ, когда о. Ѳеодоръ служилъ при Московской академіи, и митроп. Григорій, въ бытность свою казанскимъ архіепископомъ, назначившій это сочиненіе къ напечатанію во вновь основанномъ имъ казанскомъ академическомъ журналѣ „Православномъ Собесѣдникѣ" *).

Безпокоило нѣсколько Аскоченскаго только неблаговоленіе митроп. Филарета, по вліянію котораго ему рекомендовано было воздерживаться отъ нападеній на „Православное Обозрѣніе" и другія московскія изданія и усиленъ на время надзоръ за „Домашней Бесѣдой" духовной цензуры **). Въ одномъ

*) См. „Истор. Казанск. акад.", ч. II, 219 и 536. Не было, впрочемъ, напечатано въ „Собесѣдникѣ".

**) Почти все первое полугодіе 1862 года „Дом. Бесѣда" выходила за подписью всѣхъ членовъ петербургскаго цензурнаго комитета.

изъ отвѣтовъ редакціи къ корреспондентамъ, помѣщавшихся въ концѣ каждаго выпуска, въ 46 вып. 1861 г. читаемъ: „Душою бы рады мы помѣстить въ нашемъ журналѣ присланную вами статью, но редакція въ послѣднее время поставлена въ большое затрудненіе, какъ скоро ей приходится говорить что-либо объ упоминаемомъ вами журналѣ и о всемъ томъ, что имъ проводится въ массу народа, вотъ уже другой годъ". Аскоченскій, впрочемъ, все-таки не упускалъ случаевъ задѣвать этотъ журналъ, по крайней мѣрѣ, краткими остротами надъ обозрѣвателями по поводу своихъ неустанныхъ рѣчей о непримиримости православія съ современной жизнью. Въ сентябрѣ 1862 года онъ самъ былъ въ Москвѣ и долго не рѣшался представиться митрополиту, опасаясь дурного пріема. Но при представленіи, на которое онъ, наконецъ, рѣшился, онъ, къ собственному своему удивленію, былъ принятъ уважаемымъ святителемъ довольно ласково. Если вѣрить его собственному объ этомъ разсказу, митрополитъ будто бы даже извинялся передъ нимъ и объяснилъ ему, что роналъ за „Правосл. Обозрѣніе" и за архим. Ѳеодора не столько „противъ него, сколько противъ..." Тутъ разсказчикъ поставилъ точки, разумѣя, конечно, митроп. Исидора, о которомъ еще нельзя было говорить. „Вы де въ увлеченіи могли проговориться, но..." Опять точки. Потомъ митрополитъ поговорилъ ему о приличіи, о большей скромности и на прощаніе благословилъ его „ратовать за истину твердо и безъ боязни до конца жизни", подарилъ ему икону и еще даже 100 рублей*).

Ободренный, вѣроятно, такимъ милостивымъ пріемомъ, въ началѣ слѣдующаго 1863 г. онъ еще разъ чрезвычайно грубо задѣлъ редакцію „Прав. Обозрѣнія". Въ 1862 году редакція эта не пожелала мѣняться съ нимъ своимъ изданіемъ и не посылала ему своихъ книжекъ, но выпуски „Бесѣды" все-таки получала. Въ концѣ года Аскоченскій объявилъ объ этомъ въ своемъ журналѣ и печатно потребовалъ или присылки 3 рублей стоимости „Бесѣды", или обратнаго возвращенія самыхъ ея выпусковъ. Редакція „Прав. Обозрѣнія" на эту выходку смолчала и вызвала новую выходку еще почище. Во 2 вы-

*) „Дом. Бесѣда" 1867 г., вып. 50: „Мои воспоминанія о м. Филаретѣ,— письмо къ брату", стр. 1222—1223.

нускѣ „Бесѣды“ было напечатано, что редакторъ ея проситъ редактора „Прав. Обозрѣнія“, о. Сергіевскаго, за недосланные имъ 3 рубля отслужить въ университетской своей церкви панихиду о упокоеніи души раба Божія Іоанна, т.-е. извѣстнаго московскаго юродиваго Ивана Яковлевича Корѣйши, и на оберткѣ своего журнала увѣдомить объ исполненіи этой требы. Съ этого времени „Домашняя Бесѣда“ опять начала преслѣдовать „Прав. Обозрѣніе“. Черезъ два выпуска (вып. 4, стр. 106—111) въ ней была напечатана очень злая и бранчивая статья херсонскаго священника о. Мухина о проповѣди о. Сергіевскаго на Татьянинъ день, въ которой о. Мухинъ не нашелъ не только ни одного текста св. писанія, но даже ни одного упоминанія имени Божія, а видѣлъ только какіе-то языческіе толки объ истинѣ да объ наукѣ, и больше ничего.

Послѣ всей описанной нами исторіи столкновенія двухъ богословскихъ направленій всего болѣе пришлось потерпѣть архим. Ѳеодору,—лицу и безъ того много потерпѣвшему. Онъ долженъ былъ оставить должность духовнаго цензора и въ февралѣ 1861 года выѣхалъ изъ Петербурга въ Переяславльскій Никитскій монастырь, Владимирской епархіи. Онъ почему-то давно уже любилъ этотъ монастырь, неоднократно гостилъ въ немъ еще во время своей службы въ Московской академіи, удаляясь въ него для уединеннаго отдохновенія и для ученыхъ работъ, и былъ друженъ съ его настоятелемъ, архимандритомъ Нифонтомъ. Теперь онъ поступилъ сюда на жительство въ число братіи, не получивъ ни пенсіи ни даже единовременнаго пособія за свою службу, съ однимъ только своимъ магистерскимъ окладомъ во 100 руб. въ годъ. Духовные журналы отказались принимать отъ опальнаго богослова статьи, въ томъ числѣ „Православное Обозрѣніе“, на которое онъ надѣялся *), такъ что ему пришлось печатать свои труды самому отдѣльными книгами, какъ напечатаны были его „Три письма къ Гоголю“, книга „О новомъ завѣтѣ Господа нашего І. Христа“ (1861 г.) и „Изъясненіе 1 гл. Бытія о міротвореніи“ (1862), или пользоваться для своихъ статей пока однимъ „Сыномъ Отечества“, который онъ любилъ, какъ единствен-

*) „Хроника моей жизни преосв. Саввы тверского“, т. II, стр. 589, 635. IV, 67.

ный свѣтскій журналъ, удѣлявшій часть своего вниманія духовнымъ дѣламъ, и за его умѣренное направленіе *).

Въ 1862 году ему удалось еще пристроиться къ „Духовному Вѣстнику“, гдѣ онъ помѣстилъ свои изслѣдованія о книгѣ Іова и о пророкѣ Исаіи. Петербургскими посредниками между нимъ, редакціями и издателями его книгъ были его бывшіе слушатели по Московской академіи: извѣстный уже намъ сотрудникъ „Сына Отечества“ А. И. Хитровъ и діаконъ Екатерининской церкви (за Калинкинымъ мостомъ) А. А. Лебедевъ (бывшій потомъ протоіереемъ Казанскаго собора въ С.-Петербургѣ, † 1898 г.), всегда любовно къ нему относившіеся, особенно послѣдній. Мы имѣемъ подъ руками нѣсколько писемъ къ нему о. Ѳеодора. [Вотъ извлеченіе изъ одного письма о. Ѳеодора, изображающее первыя его впечатлѣнія по переселеніи въ Переяславльскій монастырь:

„Благодарю васъ за искреннее сочувствіе и участіе ко всему, что меня касается. Болѣе всего, отче, прошу васъ неотступно, особенно при служеніи литургіи, умолять Агнца Божія о помилованіи и просвѣщеніи истиною всѣхъ насъ, грѣшныхъ людей... Радуетъ меня милость ко мнѣ Божія во всемъ, во всемъ, а въ особенности въ дѣлѣ Апокалипсиса **). Будемъ полагаться на милость Божію. Богъ нашъ знаетъ и устрояетъ лучше насъ о нашихъ дѣлахъ... Отецъ настоятель показалъ мнѣ письмо одного знающаго и, по его увѣренію, любящаго меня архіерея, который предупреждалъ моего авву, что якобы я упился отъ чаши любодѣйцы — Вавилона и духовно вступилъ въ союзъ съ тѣми, ихъ же богъ чрево и проч. Буквально такъ!.. А Аскоченскій [напечаталъ свою большую

*) Въ „С. О.“ помѣщено довольно его статей. Перечисляемъ тѣ, которыя знаемъ: „Къ свѣдѣнію и обсужденію любящимъ истину“, за 1862 г., № 30, 31, 32; „О томъ, какъ журналистика задерживаетъ дѣло выясненія истины“, № 79, 98, 184; „Разговоры о примѣненіи къ мірскому Христовой истины и благодати“, за 1863 г., № 22, 23; „По поводу статей въ „Днѣ“ объ Арсеніи Мацѣевичѣ“, № 80; „О преобразованіи судопроизводства, о движеніи русской мысли по вопросу объ отношеніи между свѣтскимъ и духовнымъ“, № 10; „О проведеніи въ разныя мірскія среды благодатныхъ началъ“, № 48—49. Всѣ эти статьи вошли потомъ въ составъ книги о. Ѳеодора: „О современныхъ духовныхъ потребностяхъ мысли и жизни“ (Москва. 1866).

**) „Изъясненіе Апокалипсиса“—это былъ его любимый и многолѣтній трудъ, который онъ собирался тогда издать въ свѣтъ.

статью противъ насъ. А „Прав. Обозрѣніе“ только обѣщало обстоятельный разборъ моихъ воззрѣній. А и ваша статья все еще не напечатана. Все это я говорю въ подтвержденіе того, что наше дѣло и опора да будетъ собственно въ милости и истинѣ Божіей. Богъ дастъ же сочувствующихъ и намъ... Что же „Сына Отечества“ перестали мнѣ давать? Мнѣ хотѣлось бы читать этотъ журналъ, давшій мнѣ пріютъ у себя, когда другіе не хотѣли бы давать мнѣ нигдѣ и головы преклонить. Духъ человѣколюбія и добросовѣстнаго, сыновнесвободнаго стремленія къ истинѣ и добру во всемъ—это есть духъ православія, который можетъ быть иногда и безсознательнымъ. Переговорите о высылкѣ мнѣ „Сына Отечества“ съ А. И. Хитровымъ, хоть за деньги, которыя я готовъ выслать. Послѣдній изъ полученныхъ мною былъ №, въ которомъ помѣщалась статья А. И. Хитрова, показывающая неправомысліе друга моего Аскоченскаго изъ самыхъ руководствъ православія“.

Въ другомъ письмѣ онъ проситъ о. Лебедева не тужить объ отказѣ ему въ пенсіи. „Мнѣ надѣяться, какъ можете видѣть сами не только изъ личныхъ моихъ обстоятельствъ, но и изъ самаго состоянія современнаго общественнаго духа, просто не на что и не на кого, кромѣ одного Господа. И буду на Него одного надѣяться, сколько Онъ же Самъ даетъ мнѣ этой благодати. Статья А. И. Х. о моей книгѣ „О новомъ завѣтѣ“ мнѣ понравилась. Серьезно дѣльныя замѣчанія, сдѣланныя на мою книгу въ концѣ статьи, требуютъ отъ меня нѣкоторыхъ объясненій, которыя, Богъ дастъ, и напишу и пришлю въ „Сынъ Отечества“ вмѣстѣ съ статьею по поводу статьи „Современника“: „Два типа старыхъ и новыхъ философовъ“ *)... Съ Викторомъ Ипатьевичемъ (Аскоченскимъ), какъ скоро дѣло приняло оборотъ скандалезныхъ личностей, вмѣсто разслѣдованія истины, у меня уже дѣло покончено. На новомъ мѣстѣ живу слава Богу! Недавно видѣлся съ владыкою владимирскимъ Іустиномъ, бывшимъ въ Переяславлѣ. Первый разговоръ съ нимъ былъ тяжелъ для меня, потому что преосвященный старался доказывать православность образа мыслей

*) Эти статьи о. Ѳеодора напечатаны въ его книгѣ „О современныхъ духовныхъ потребностяхъ“.

„Дом. Бесѣды“. Впослѣдствіи бесѣды двѣ были очень пріятны для меня; рѣчь шла, между прочимъ, о философіи,—владыка развивалъ мысль о несовмѣстимости самостоятельнаго ея направленія съ христіанствомъ, а я представлялъ несправедливость оставлять внѣ Христа и, значитъ, внѣ благоволенія Отца небеснаго, разумъ человѣческій, котораго первый органъ—философія. Сердце и душа моя лежатъ къ этому владыкѣ. Благодарю Бога!“

VII.

Друзья Никитскаго заточника сильно скорбѣли за него и за его направленіе, но медлили рѣшительной его защитой; скорбѣлъ онъ и самъ, утѣшаясь только крѣпкой вѣрой въ истинность своего ученія и въ то, что истина Христова не можетъ не восторжествовать надъ препятствіями, мѣшающими ея успѣхамъ въ человѣческой жизни. Такъ прошло болѣе восьми мѣсяцевъ. Наконецъ въ самомъ началѣ 1862 года въ Петербургѣ вышла особая книжка съ весьма солиднымъ опроверженіемъ критики Аскоченскаго и вмѣстѣ съ довольно полнымъ разъясненіемъ и оправданіемъ системы о. Ѳеодора, подъ заглавіемъ: „Пріемы, знанія и безпристрастіе въ критическомъ дѣлѣ редактора „Домашней Бесѣды“ В. И. Аскоченскаго. Разборъ критики на сочиненіе архим. Ѳеодора о православіи“. Авторомъ этой книжки былъ упомянутый ученикъ и другъ о. Ѳеодора, діаконъ А. А. Лебедевъ.

Спорный предметъ здѣсь впервые поставленъ былъ и разрабатывался на настоящей, болѣе широкой и исторической почвѣ разности воззрѣній на нравственную практическую сторону православія,—прежняго аскетическаго и другого болѣе широкаго воззрѣнія, обнимающаго не одно подвижническое состояніе, но и обыкновенную жизнь зауряднаго большинства чадъ Церкви,—воззрѣнія, представителемъ котораго, по мнѣнію о. Лебедева, и является архим. Ѳеодоръ. Имѣя въ основѣ своего ученія тайну искупленія и взирая черезъ нее на всю человѣческую жизнь, на всѣ ея стороны и проявленія, онъ, архим. Ѳеодоръ, по словамъ автора, имѣетъ единственную задачу: всему, что мы считаемъ мірскимъ, земнымъ (кромѣ, разумѣется, грѣха), всякимъ гражданскимъ, общественнымъ и семейнымъ порядкамъ, даже попеченіямъ о тѣлѣ, дать основу

въ христіанствѣ, въ христіанскихъ началахъ или, по его, о. Ѳеодора, выраженію, во Христѣ: это—сущность всѣхъ его воззрѣній. Люди благомыслящіе, вчитываясь въ его книгу, не только не находили въ ней чего-либо неправославнаго, богопротивнаго, напротивъ, его воззрѣніями проясняли свои собственныя мысли, очищали свои взгляды отъ излишняго ригоризма и учились Христовой любви къ ближнимъ. Но люди съ предзанятыми сужденіями и узкимъ взглядомъ, будучи не въ состояніи усвоить его широкаго и цѣльнаго воззрѣнія и почуявъ въ его сочиненіяхъ вѣяніе какого-то новаго, непонятнаго для нихъ, духа жизни, какія-то новыя идеи, даже прямо противныя ихъ привычнымъ воззрѣніямъ, сейчасъ же обезпокоились и стали кричать объ отступленіи автора отъ чистоты православія. Органомъ такихъ людей и сдѣлался г. Аскоченскій съ компаніей. Книга, изданная, по слухамъ, прямо противъ его направленія, попадавшая ему не въ бровь, а въ самый глазъ, затронула всѣ его фарисейскіе взгляды и расположенія и привела его въ такое негодованіе и даже личную злобу, что онъ сдѣлался настоящимъ врагомъ и даже прямо клеветникомъ противъ ея автора.

Въ самомъ раздѣленіи статьи Аскоченскаго на произвольные отдѣлы о. Лебедевъ усматриваетъ, что суровый критикъ о. Ѳеодора не понялъ цѣльной системы послѣдняго. Извратилъ г. Аскоченскій даже главную мысль всей критикуемой имъ книги. Вопросъ не въ томъ, способна ли современность сродниться съ православіемъ, а въ томъ, возможно ли и необходимо ли православіе положить въ основу современной жизни общества. Усиливаясь доказывать, что современность, какъ она есть, не можетъ сродниться съ православіемъ, г. Аскоченскій, очевидно, сражается съ имъ же самимъ созданной вѣтряной мельницей. Въ дальнѣйшемъ разборѣ его критической статьи авторъ книжки обнаружилъ всю фальшь его критическихъ пріемовъ, недобросовѣстность разбора сочиненій о.Ѳеодора по отрывочно выхваченнымъ изъ него кускамъ, произвольные изъ нихъ выводы, умышленныя искаженія мыслей автора, плохое знаніе богословія, постоянно страстное отношеніе къ автору, личныя оскорбленія и клеветы, старающіяся уронить его православную репутацію и проч. Особенно прискорбно,—говоритъ авторъ книжки,—что при нападеніяхъ на

о. Ѳеодора подверглась лжетолкованію высочайшая тайна нашего искупленія и до сихъ поръ не нашла себѣ защитника; эту защиту авторъ и рѣшился взять на себя.

Упомянутое догматическое лжетолкованіе было указано Аскоченскому еще г. Хитровымъ въ „Сынѣ Отечества“ по поводу слишкомъ рѣшительно высказанной мысли Аскоченскаго, будто І. Христосъ не взялъ на Себя философскихъ грѣховъ. Но гордый богословъ отнесся къ этому указанію съ грубымъ презрѣніемъ и теперь на протяженіи всей своей критики упорно повторялъ, что философскихъ грѣховъ „не могъ взять на Себя Агнецъ Божій“, что „если Онъ и беретъ на Себя чьи грѣхи, то только подъ условіемъ церковнаго покаянія грѣшника“. И снова пришлось для него разъяснить, и опять по „Катихизису“ Филарета, что въ дѣлѣ спасенія нашего во Христѣ нужно различать два акта: 1) совершеніе всего нужнаго для спасенія людей Самимъ Христомъ Спасителемъ и 2) собственное участіе въ благодати Христовой со стороны каждаго человѣка, что Спаситель страдалъ, дѣйствительно, за всѣхъ людей и за всѣ человѣческіе грѣхи безъ исключенія, но пользуются Его благодатію только тѣ, которые пріемлютъ участіе въ Его страданіяхъ и смерти вѣрою, добрыми дѣлами, участіемъ въ таинствахъ Церкви и т. д., а не однимъ только участіемъ въ церковномъ покаяніи, какъ узко понималъ это дѣло Аскоченскій, или не понявшій всеобъемлющаго нравственнаго ученія о. Ѳеодора, или злонамѣренно скрывшій его отъ своихъ читателей.

Кромѣ этого лжетолкованія, авторъ книжки указалъ еще на другое, стоящее въ связи съ извѣстными преувеличенными мыслями Аскоченскаго о поврежденіи человѣческой природы грѣхомъ и о томъ, что Спаситель не могъ принять на Себя этой природы, такъ какъ она не раздѣльна съ грѣхомъ и порчею (у Аскоченскаго стр. 267). Изъ запутанныхъ разсужденій Аскоченскаго объ этомъ предметѣ онъ выводитъ такой силлогизмъ: „Ѳеодоръ говоритъ, что Іисусъ Христосъ взялъ на Себя естество человѣческое, кромѣ грѣха. Но отъ естества этого, неисправимо поврежденнаго, отдѣлять его поврежденіе, грѣховность, невозможно. Слѣдовательно, если Ѳеодоръ говоритъ, что Іисусъ Христосъ взялъ на Себя естество человѣческое, то Онъ взялъ оное не иначе, какъ въ нераздѣльности съ по-

врежденіемъ и грѣхомъ, что—нелѣпо. Стало-быть, не такое естество взято и не такое возведено Имъ до престола славы". Но теперь возникаетъ вопросъ: какое же другое естество принято Богочеловѣкомъ?.. Продолжая разсуждать въ такомъ направленіи, можно прямо дойти до ереси Аполинарія или Евтихія... Да и дѣйствительно ли природа человѣческая такъ проникнута грѣхомъ, что послѣдняго нельзя уже и отдѣлить отъ нея, такъ повреждена, что въ ней не осталось уже ничего истинно-человѣческаго, что присвоять ее Богу Слову будетъ, по выраженію Аскоченскаго, просто кощунствомъ? Особенно рѣшительно возстаетъ о. Лебедевъ противъ положенія критика относительно крайней поврежденности заложенныхъ въ духѣ человѣческомъ идей, въ которыхъ о. Ѳеодоръ видѣлъ свѣтеніе свѣта Христова даже у язычниковъ. Это свѣтеніе есть великій даръ Божіей благодати, который, при всѣхъ злоупотребленіяхъ имъ падшаго человѣчества, влечетъ человѣка къ безконечному, служитъ источникомъ всѣхъ стремленій человѣка къ истинѣ, добродѣтели, блаженству, точкой привитія къ духу человѣческому самого христіанства. Неожиданный выводъ Аскоченскаго, будто, по ученію о. Ѳеодора, Христосъ, просвѣщая всякаго человѣка именно этими идеями, открытыми эстетикой и философіей, является только обыкновеннымъ учителемъ, о. Лебедевъ объясняетъ незаконнымъ смѣшеніемъ со стороны критика идей съ ихъ продуктами—эстетикой, философіей и еще, пожалуй, съ естественной религіей, и тѣмъ, что просвѣщеніе отъ Христа, такъ сказать, прирожденное *(человѣка грядущаго въ міръ)* критикъ перетолковываетъ въ смыслѣ учительства Христова во время земной жизни Христа.

Не будемъ останавливаться на подробномъ разборѣ критики Аскоченскаго по вопросу о всеобщности и всеобъемлемости Агнчей жертвы. Мысли, изложенныя въ этомъ разборѣ о. Лебедева, тѣ же, какія мы отчасти провели уже выше въ самомъ изложеніи этого отдѣла критики Аскоченскаго. Точно такъ же можно, кажется, не останавливаться на разборѣ и тѣхъ слѣдствій, какія редакторъ „Бесѣды" выводилъ изъ ученія о. Ѳеодора о всеобъемлемости Агнчей жертвы, будто бы Ѳеодоръ оправдываетъ этимъ ученіемъ „всѣ наслажденія вѣка, всю дурь философіи, эстетики, искусства" и проч. и будто бы,

защищая все это и даже грѣшную тѣлесность противъ тѣхъ, которые во имя чего-то мнимо-авторитетнаго неблагоразумно стараются подавлять и даже убивать все человѣческое, онъ идетъ прямо противъ церковной власти. По поводу этихъ обвиненій о. Лебедевъ представилъ нѣсколько сильныхъ мыслей въ защиту съ христіанской точки зрѣнія и наукъ, и искусствъ, и даже ненавистной для „Домашней Бесѣды“ тѣлесности. Мы приведемъ изъ его разсужденій только одно мѣсто, гдѣ онъ старается выяснить общее значеніе нравственно-религіознаго ученія архимандрита Ѳеодора.

„У насъ,— говоритъ авторъ,— развивалось съ особенною силою то жидовствующее направленіе, что все земное, мірское, чувственное (не въ смыслѣ грѣховной чувственности) считаютъ сквернымъ, нечистымъ само по себѣ, а не по отношенію человѣка къ нему, что благодать понимаютъ какъ-то отрѣшенно, чуждою земныхъ нашихъ порядковъ, что поэтому образуется тотъ неправильный взглядъ, что только тогда можно спастись, когда выйдешь изъ земныхъ мірскихъ порядковъ и отрѣшишься отъ всѣхъ дѣлъ житейскихъ. Органомъ такого направленія служитъ по преимуществу „Домашняя Бесѣда“. Она никакъ не можетъ понять, что все значеніе, какое можетъ имѣть для насъ все земное, зависитъ единственно отъ нашего отношенія къ нему, будемъ ли мы покоряться земному или возвышаться надъ нимъ, будемъ ли мы владѣть вещью какою-либо или вещь будетъ владѣть нами. Господь Спаситель для того, между прочимъ, и приходилъ на землю, чтобы поставить насъ въ должныя отношенія къ міру, возвести насъ въ прежнее владычественное отношеніе къ міру и съ самаго міра снять осужденіе для будущаго преобразованія его въ жилище чадъ славы. Достопочтеннѣйшій о. Ѳеодоръ съ этою цѣлью, между прочимъ, написалъ цѣлую книгу, чтобы на основаніи тайны Христовой установить насъ въ правильныя отношенія къ міру видимому, къ земнымъ и житейскимъ порядкамъ, что онъ и раскрываетъ преимущественно вопреки этому жидовскому направленію, потому что такое направленіе распугиваетъ тружениковъ свѣтской мысли и жизни, отталкиваетъ ихъ отъ истины Христовой, обрекая ихъ на временную и вѣчную гибель. По взгляду о. Ѳеодора, можно двоякимъ образомъ относиться къ одной и той же вещи,— по Христу

и не по Христу. Первое—спасительно, а второе—гибельно... Господь, взявши въ единство Своей ипостаси и мысль, и волю, и чувство, и фантазію, и тѣло, показалъ, что все это можетъ жить въ союзѣ съ Божествомъ, быть сосудомъ Божества. А это и насъ научаетъ тому, чтобы мы, и наши духовныя силы и наше тѣло, старались содѣловать орудіями благодати и сосудами Св. Духа. *Прославите Бога,* говоритъ апостолъ, *въ душахъ и тѣлесѣхъ вашихъ*... Это-то святое ученіе и не нравится критику, и такъ какъ оно въ самомъ корнѣ поражаетъ „Домашнюю Бесѣду", то всѣ ея сотрудники и г. Аскоченскій называютъ его сладострастнымъ, страшнымъ". Далѣе опредѣляется различіе между тѣломъ и плотію и между двумя смыслами употребленія названія „плоть" въ св. писаніи и у отцовъ Церкви,—въ смыслѣ просто тѣла и въ смыслѣ грѣховной плотяности, и этимъ различіемъ опровергаются представленныя „Бесѣдою" возраженія касательно умерщвленія плоти и аскетическихъ подвиговъ. „Замѣчательно,—указываетъ авторъ,—что г. Аскоченскій нигдѣ не нападаетъ на о. Ѳеодора за обличенія нашего общества въ направленіи языческомъ, а возстаетъ только за обличеніе въ жидовствѣ".

Критика второго отдѣла статьи Аскоченскаго старается распутать разныя нареканія на о. Ѳеодора, о которыхъ мы говорили въ анализѣ самой статьи. Для этого она пространно растолковываетъ, что въ христіанскомъ обществѣ могутъ существовать всякія неправыя направленія, въ родѣ, наприм., жидовскаго, нисколько не нарушая святости Церкви, что догматы, правила и учрежденія церковныя, сами по себѣ святыя и спасительныя, дѣйствительно, могутъ быть доводимы нашимъ формализмомъ до мертвой ветхозавѣтности и т. д. Въ людяхъ духовно-іудейскаго направленія о. Ѳеодоръ замѣчалъ особенную суровость къ людямъ и предостерегалъ читателей, чтобы „ихъ ревность противу зла, заблужденія, грѣха не доводима была до жидовской безпощадности, ибо Христосъ пришелъ въ міръ потребить собственно грѣхъ, а грѣшниковъ спасать, и ревнители вѣры должны вооружаться противъ самаго зла, но остерегаться побивать камнями людей". „Домашняя Бесѣда" была, какъ извѣстно, противъ такого положенія, настаивая на неотдѣлимости грѣха отъ грѣшника: „Если грѣхъ есть нѣчто, отдѣлимое отъ человѣка,—доказывалъ Аскочен-

скій,— то Агнецъ Божій, взявшій грѣхи міра, взялъ что-то отвлеченное и страдалъ, значитъ, тоже отвлеченно, призрачно; если же Онъ страдалъ дѣйствительно, то принялъ страданіе за дѣйствительные грѣхи, *не отдѣлимые отъ человѣка*". Великій догматистъ, очевидно, тутъ зарапортовался и сдѣлалъ подчеркнутую прибавку произвольно и умышленно, замѣтивъ, что сталъ аргументировать какъ разъ противъ себя же самого, и желая этой прибавкой обмануть читателя. О. Лебедевъ сейчасъ же ловитъ его на этомъ промахѣ и разъясняетъ дѣло: г. Аскоченскій не хотѣлъ де понять той простой мысли автора, что нужно прежде всего преслѣдовать тѣ ложныя начала, которыя господствуютъ у людей, и раскрыть этимъ людямъ глаза, а потомъ уже, если надобно, браться за преслѣдованія.

Этимъ отдѣломъ подробный разборъ статьи Аскоченскаго и заканчивается; о послѣдующихъ ея отдѣлахъ дѣлаются только нѣкоторыя общія и отрывочныя замѣтки. Такъ, авторъ брошюры останавливается нѣсколько на сомнительности свѣдѣній Аскоченскаго въ „патрологіи и синодологіи", которыми тотъ похвалился, и доказываетъ, что свв. отцы, дѣйствительно, не гнушались философіи и др. наукъ. „Въ настоящее время,— объясняетъ онъ,— время особеннаго развитія пытливости, нечего уже настаивать на простотѣ и непосредственности вѣры,— пора ея для образованнаго общества прошла уже невозвратно, какъ проходитъ невозвратно беззаботное дѣтство. О. Ѳеодоръ понялъ современную потребность въ наукѣ и философіи и старается дать этой потребности истинное направленіе, основать философію и всѣ науки на началахъ православныхъ, на краеугольномъ камени—Христѣ, и не бранить его нужно за это, а благодарить. Но критикъ и слушать ничего не хочетъ, а кричитъ свое: философія—дурь, эстетика—дурь, и все, что есть въ современности,—дурь и бѣсовское наваждeніе. То же относится къ вопросу объ удобствахъ жизни и вообще о мірской жизни. Вопросъ въ томъ, можно ли все это устроить на основахъ христіанскихъ и какъ рѣшаетъ этотъ вопросъ архим. Ѳеодоръ, вотъ вѣдь о чемъ слѣдовало разсудить. Впрочемъ, Аскоченскій и рѣшилъ этотъ вопросъ, но отрицательно, находя приложеніе православныхъ началъ къ жизни совершенно невозможнымъ".

На послѣднихъ страницахъ брошюры о. Лебедева разсмотрѣны обычные критическіе пріемы Аскоченскаго, состоящіе въ произвольномъ перетолкованіи отрывочно выхваченныхъ изъ контекста мыслей критикуемаго автора въ абсурдномъ или даже еретическомъ смыслѣ и затѣмъ въ издѣвательствѣ надъ нимъ или, точнѣе, надъ своей собственной выдумкой,— пріемы, незаконность которыхъ видна уже изъ того одного, что ихъ можно приложить къ любому богословскому сочиненію, „Катихизису“ Филарета, „Богословію“ Макарія, даже къ самому Евангелію. Указаны въ критикѣ примѣры путаницы понятій, смѣшенія частнаго съ общимъ, погрѣшностей противъ самаго православія и особенно крайняя трусость рутинной учености, пугающейся всякой новой и малопонятной для нея свѣтлой мысли и потому сейчасъ же начинающей кричать объ ереси и бѣсовскомъ соблазнѣ. Не оставлена безъ вниманія манера самаго изложенія „Домашней Бесѣды“, нелѣпое сочетаніе священныхъ словъ съ вульгарными, дьячковское употребленіе текстовъ св. писанія въ видѣ присловій или для шутки, ругательства, доходящія до забвенія не только христіанскихъ чувствъ, но и простыхъ приличій, клеветы на благочестиваго архимандрита въ кощунствѣ и ересяхъ. „Да,— восклицаетъ авторъ,— много тяжелыхъ огорченій вытерпѣлъ изъ-за „Домашней Бесѣды“ достопочтенный авторъ книги о православіи“, но зато „далъ случай раскрыться направленію этого журнала во всей его наготѣ и во всемъ безобразіи“.

VIII.

Особенно широкаго распространенія книжка о. Лебедева не получила: напримѣръ, въ Казань, гдѣ многіе лично знали и уважали о. Ѳеодора, она вовсе не попала. Но въ Петербургѣ ее знали всѣ, интересовавшіеся разсматриваемой полемикой. Впечатлѣніе, произведенное ею, было довольно сильное. „Книжный Вѣстникъ“ того времени, давая о ней извѣстіе, писалъ, что Аскоченскому послѣ нея остается только прикрыть свое изданіе и уѣхать въ свой Кіевъ. Написана она была, дѣйствительно, солидно, съ серьезнымъ разборомъ и сочиненія о. Ѳеодора, и критики на него Аскоченскаго, и съ ясной постановкой вопроса о борьбѣ и сравнительномъ достоинствѣ вы-

разившихся въ нихъ двухъ воззрѣній на православіе, вопроса слѣдовательно, весьма важнаго. Понятно, что и отповѣди она требовала такой же солидной. Но Аскоченскій, чувствуя трудность своего скользкаго положенія, почелъ за лучшее уклониться отъ такого рода отповѣди и прибѣгнуть къ своему обычному средству выпутываться изъ затрудненія,—напустить на себя презрѣніе къ противнику и дискредитировать его бранью, не касаясь самаго существа дѣла.

Въ 7 выпускѣ „Домашней Бесѣды“ за 1862 годъ въ отдѣлѣ „Изгари“ (стр. 169) онъ писалъ, что вышла такая-то книжка. Авторъ ея скрылъ свое имя, „но мы знаемъ, изъ какой это кучи бьетъ громъ. Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, мы принялись за чтеніе этой книжки и съ первыхъ же страницъ были поражены этимъ горячимъ, безцеремоннымъ топомъ, этой безоглядочной бранью и руганью, которою *темный* человѣкъ (т.-е. анонимный авторъ) осыпаетъ не только редактора, но и всѣхъ сочувствующихъ ему“... Нужно замѣтить, что книжка о. Лебедева, хотя подъ часъ дѣйствительно сильно задѣвающая „Домашнюю Бесѣду“, вовсе не производитъ такого впечатлѣнія, о которомъ здѣсь говорится и которое производятъ всѣ полемики того времени, и едва ли не больше всѣхъ полемика самого Аскоченскаго... „Изъ-за чего же? Изъ-за того, что „Домашняя Бесѣда“ осмѣлилась, на ряду съ другими, стать на защиту ученія Церкви православной“ противъ нехристіанскихъ и противонравственныхъ мыслей и ихъ пропаганды, „что она честно и открыто повѣдала читающему міру объ ошибкахъ несчастной книги „О православіи въ отношеніи къ современности“,—книги, послужившей кодексомъ тѣхъ убѣжденій и ложныхъ толкованій, какія настойчиво проводитъ нынѣ одинъ изъ журналовъ съ громкимъ названіемъ („Прав. Обозрѣніе?“)... Съ грустью читали мы эту ожесточенную (!) филиппику и раздумывали про себя, отвѣчать на это или нѣтъ“. Порѣшили, конечно, не отвѣчать, — книга де у всѣхъ передъ глазами, пусть читатели сами рѣшатъ,—кто правъ, кто виноватъ. „Мы сказали и теперь повторяемъ, что не согласимся ни за что волочить по литературной площади такіе важные вопросы, какъ воспріятіе Господомъ нашимъ І. Христомъ естества человѣческаго, какъ ученіе Церкви о покаяніи и подобные симъ предметы. Для этого у насъ есть судъ

Церкви *представительной* (?): какъ онъ положитъ, такъ тому и быть". Значитъ, какъ начальство.

Между тѣмъ, отказавшись, подъ прикрытіемъ краснаго словца о „литературной площади", отвѣчать автору брошюры, Аскоченскій нѣсколько разъ принимался задѣвать его въ своей „Бесѣдѣ", называя его памфлетистомъ, жалкимъ [ругателемъ, бросающимъ въ хорошаго человѣка грязью, которая падаетъ, впрочемъ, на него же самого, даже спекулянтомъ, издавшимъ свою книжку ради лишняго рубля и т. п. (наприм., вып. 45, стр. 396). Видно было, что онъ задѣтъ былъ этимъ „жалкимъ памфлетистомъ" очень чувствительно. Наконецъ въ 50 выпускѣ „Домашней Бесѣды" 1862 года явилась большая статья, нарочито написанная противъ книжки о. Лебедева, въ формѣ письма къ нему нѣкоего о. Аѳанасія Недзѣльскаго, священника Кіевской епархіи (стр. 495—514), не внесшая, впрочемъ, въ рѣшеніе затронутыхъ вопросовъ ничего новаго и вовсе не защитившая редактора „Бесѣды".

О. Недзѣльскій занимается въ ней больше осужденіемъ внѣшняго изложенія разбираемой брошюры, разныхъ ея недомолвокъ, противорѣчій и бранчивыхъ [выраженій: „узкость взгляда", „жидовская ревность, дрожащая за каждую подметку или тряпку въ дѣлѣ богословскаго мышленія", „плохое знаніе богословія", „еретичество" и т. п.; уловляетъ автора брошюры даже въ такой недобросовѣстности, что онъ называетъ вездѣ статью Аскоченскаго критикой, тогда какъ это вовсе не критика, а только „журнальная замѣтка"; потомъ много распространяется о значеніи и мужественной твердости „Домашней Бесѣды", и только уже въ половинѣ статьи переходитъ къ самому дѣлу. „Въ книгѣ о православіи,—говорите вы,—вопросъ не въ томъ, способна ли современность сродниться съ православіемъ, а въ томъ, возможно ли и необходимо ли православіе положить въ основу современной жизни общества. Сознаюсь передъ вами, что, прочитавъ эту мысль, я осѣнилъ себя крестомъ, бросилъ вашу книгу и задумался". Осьмнадцать де вѣковъ Церковь заботится объ уловленіи людей въ царство Божіе и о спасеніи ихъ; восемь вѣковъ она продолжаетъ то же дѣланіе въ Россіи, и все еще возможно существованіе такого вопроса. Но съ этимъ замѣчаніемъ, конечно, вполнѣ были согласны и о. Лебедевъ, и самъ архим. Ѳеодоръ.

Далѣе идетъ очищеніе Аскоченскаго отъ обвиненія въ томъ, что онъ ограничивалъ всеобщность Агнчей жертвы, исключая изъ благодати этой жертвы грѣхи философскіе. Обвиненіе это называется „вопіющей клеветою“: Христосъ Спаситель не бралъ на Себя никакихъ вообще грѣховъ, а понесъ на Себѣ только вину и оброцы грѣха,— въ такомъ-то, будто бы, смыслѣ, и говорилъ о философскихъ грѣхахъ г. Аскоченскій; да и самъ авторъ клеветы говоритъ, что божество и грѣхъ—понятія взаимно себя исключающія; такъ же, вѣроятно, думаетъ и о. Ѳеодоръ. Изъ-за чего же, спрашивается, было и спорить г. Аскоченскому противъ о. Ѳеодора? Но мы видѣли, что г. Аскоченскій думалъ и писалъ вовсе не такъ. Попутно, кстати, о. Недзѣльскій подлавливаетъ здѣсь о. Лебедева въ „языческомъ“ употребленіи слова „божество“, вмѣсто Господа Бога, не обративъ вниманія на то, что въ выраженіи: божество и грѣхъ, отвлеченное слово „божество“ вовсе не обозначаетъ Господа Бога, какъ и не въ однократномъ употребленіи словъ „божество и человѣчество“ у самого о. Недзѣльскаго. Наконецъ автора „возмутило“ замѣчаніе о. Лебедева, что Аскоченскій узко понимаетъ условія усвоенія Агнчей жертвы со стороны человѣка, ограничивая ихъ однимъ церковнымъ покаяніемъ; онъ старается оправдать своего кліэнта расширеніемъ понятія о покаяніи, подъ которымъ де сами собой разумѣются и всѣ плоды покаянія. „И съ такими-то поверхностными знаніями,— торжественно заключаетъ о. Недзѣльскій, — вы взялись за дѣло чрезвычайной важности!.. И послѣ такихъ (?) рѣзкихъ промаховъ вы еще дерзаете говорить: „теперь, кажется, довольно прояснена тайна искупленія“!! Т.-е. велія благочестія тайна, въ нюже приникнуть желаютъ ангелы, прояснена человѣкомъ, дышащимъ прещеніемъ и злобою, и прояснена только теперь, т.-е. въ наше время юродивыхъ стремленій уяснить необъяснимое!!!“—Такимъ образомъ и эта защита направленія „Домаш. Бесѣды“ противъ книги о православіи вся цѣликомъ сводилась на то же закидываніе софизмами, громкими словами и сердитыми криками, какъ и самая критика Аскоченскаго.

Самъ о. Ѳеодоръ давно уже пересталъ обращать вниманіе на статьи „Бесѣды“, даже не читалъ ихъ, совѣтовалъ не обращать на нихъ вниманія и своимъ немногимъ друзьямъ,

которые порывались выступить на его защиту. Въ концѣ декабря 1862 г., послѣ появленія въ „Бесѣдѣ“ статьи А. Недзѣльскаго, направленной противъ книжки о. Лебедева, о. Ѳеодоръ писалъ послѣднему: „Болѣе всего нужнымъ считаю поговорить объ отношеніи литературномъ съ вашей (тоже и моей) стороны къ Аскоченскому. Это, братъ мой, пустяки и глупость говорить и думать о литературномъ и какомъ бы ни было еще процессѣ съ нимъ. Если я еще что-нибудь значу для васъ, покорнѣйше прошу васъ не обращать на его наглости вниманія ни малѣйшаго, а для этого и вовсе не читать его. Довольно уже для него сдѣлано. Если еще есть у него какая-нибудь любовь къ истинѣ и правдѣ, то, по крайней мѣрѣ, онъ ожесточенно считаетъ ложное воззрѣніе за святую истину (подъ ложнымъ воззрѣніемъ я разумѣю, конечно, только то, что есть у него лживаго, не касаясь всего прочаго). Это вѣдь слѣпота духа; слѣпому вѣдь не растолкуете вы ни одного цвѣта или вида свѣта. Вы не входите и въ разговоры объ Аскоченскомъ или говорите только въ томъ общемъ смыслѣ, что съ духомъ іудейства ничего не подѣлаешь. Я отъ васъ требую этого, а не только что прошу. Можете тамъ или здѣсь въ своихъ сочиненіяхъ сказать мимоходомъ, что вотъ до чего доходятъ у насъ нѣкоторые ревнующіе безъ разума христіане, — основную въ христіанствѣ мысль объ Агнцѣ Божіемъ, вземлющемъ грѣхи міра, считаютъ принципомъ какихъ-то хитросплетеній“. Такого рода мимоходныя замѣтки въ своихъ сочиненіяхъ допускалъ онъ и самъ. „Но главное, — прибавляетъ онъ къ своему требованію,— покончите съ Аскоченскимъ нравственно, въ своемъ духѣ и дѣлѣ. На самыя дерзкія выходки довольно будетъ сказать, что ругателю не отвѣчаютъ, иначе надо было бы тоже ругаться. Берегите здоровье на лучшее“.

Только въ февралѣ слѣдующаго 1863 г. въ 6 и 7 выпускахъ „Бесѣды“ явилась статья съ оцѣнкой мыслей о. Ѳеодора болѣе дѣльнаго и примирительнаго направленія, рѣзко выдѣляющаяся изъ ряда другихъ статей „Бесѣды“. Она написана была нѣкіимъ „Собесѣдникомъ“ по поводу не книги о православіи, а статей о. Ѳеодора въ „Сынѣ Отечества“ (№ 30—32) „О томъ, какъ у насъ журналистика задерживаетъ иногда дѣло выясненія истины“. На нее обратилъ вниманіе и самъ

о. Ѳеодоръ, какъ на болѣе благородную критику своихъ идей, и написалъ на нее такую же миролюбивую антикритику *).

„Собесѣдникъ“ начинаетъ свои замѣчанія весьма осторожно: „Боимся,— говоритъ онъ,— чтобы автору не показалось, будто бы мы бросаемъ въ него камнемъ, такъ какъ мы во многомъ не согласны съ нимъ. Увѣряемъ его, что мы дѣйствуемъ во имя той же истины Христовой, во имя которой дѣйствуетъ и онъ“. Прежде всего онъ упрекаетъ автора за излишнюю отвлеченность и темноту его произведеній. Въ самомъ содержаніи его статей замѣчаетъ особенное, тоже слишкомъ отвлеченное отношеніе къ явленіямъ жизни и литературы, стремленіе „вездѣ и во всемъ находить только добро, отсвѣтъ истины Христовой, а встрѣчающееся при этомъ зло прикрыть, стушевать идеею о всемірной жертвѣ Господа и мыслію о любви христіанской“. Мы видѣли, что на эту сторону системы о. Ѳеодора указывалъ и Аскоченскій, обвиняя его въ оправданіи Агничей жертвой всякихъ мерзостей современности. „Собесѣдникъ“ уклоняется отъ такого рѣзкаго обвиненія, но думаетъ, что для возрѣланія нивы Христовой на землѣ, нужно эту ниву сначала вспахать и очистить отъ дурной травы, и что, слѣдовательно, въ дѣлѣ учительства нужна и строгость обличеній, вервіе для изгнанія изъ святого мѣста торжниковъ и подобныхъ людей. Съ этой стороны, по его убѣжденію, нельзя не признать заслугъ „Домашней Бесѣды“, которая, почти при общемъ молчаніи духовныхъ журналовъ, почти одна только, не боясь ничего, возвышала свой голосъ противъ дурныхъ сторонъ жизни и литературы.

Въ отвѣтъ на этотъ упрекъ о. Ѳеодоръ напомнилъ критику, что сама же „Дом. Бесѣда“ прежде вопила, будто онъ „раздѣляетъ цѣлый міръ на два взаимновраждебные, но одинаково преступные и заблуждающіеся лагеря — духовно-іудействующихъ и духовно-язычествующихъ. Вотъ какъ я, по свидѣтельству передъ г. „Собесѣдникомъ“ его же партіи, вездѣ и во всемъ нахожу только добро и стушевываю только зло! Помнится еще, что изъ моей книги о православіи одинъ изъ

*) Напечатана въ его книгѣ „О современныхъ потребностяхъ мысли и жизни“ (М. 1865 г.), стр. 618.

духовныхъ журналовъ (именно „Странникъ“) извлекъ такое мрачное очертаніе зла въ нашей современности, которое смутило и меня самого. Поэтому смѣло могу сказать, что я ни въ чемъ не хотѣлъ и не хочу мириться съ духовнымъ зломъ и потакать лжи, на какихъ бы то ни было основаніяхъ,— относится ли это зло и ложь къ духовному язычеству или іудейству... Я стараюсь не зло прикрыть или стушевать, а показать, какъ намъ, особенно со словомъ истины, относиться къ заблуждающимся или запутавшимся уже во злѣ, чтобы не поражать только ихъ мечомъ слова или, по пословицѣ, не бить лежачихъ, но распутывать, поднимать ихъ отъ зла. Я утверждаю, что для этого намъ должно поступать по первообразу и духу нашего Господа и Спасителя“, т.-е. поражать зло и ложь „въ духѣ человѣколюбія Агнца, на Себя же вземлющаго отвѣтственность за вину мірского зла и лжи предъ Отцомъ Своимъ“.

Далѣе „Собесѣдникъ“ старался нѣсколько сблизить и примирить „Домашнюю Бесѣду“ съ о. Ѳеодоромъ, объясняя ихъ взаимныя обвиненія ничѣмъ инымъ, какъ взаимнымъ непониманіемъ. Онъ сознается, что и самъ многаго не понимаетъ въ сочиненіяхъ о. Ѳеодора, а книги его объ апостолѣ Павлѣ такъ и не могъ осилить до конца. Другіе, даже люди одинаковаго съ о. Ѳеодоромъ богословскаго образованія, тоже, будто бы, не понимаютъ его, какъ видно изъ рецензіи „Духа Христіанина“ на его книгу „О новомъ завѣтѣ“. Да и самъ о. Ѳеодоръ мало понимаетъ другихъ. Такъ, ему представляется, что г. Аскоченскій, да и всѣ сотрудники и читатели „Дом. Бесѣды“ считаютъ возможнымъ оправдаться только отъ дѣлъ закона однимъ исполненіемъ церковныхъ постановленій и заповѣдей Божіихъ, и, кромѣ того, онъ винитъ ихъ въ жесткомъ фарисействѣ и духовно-іудейскомъ направленіи, въ пренебреженіи благодатію Христовой, даже въ незнаніи того, что Христосъ умеръ за всѣхъ грѣшниковъ и за всѣ грѣхи. „Полноте, о. Ѳеодоръ, — заключаетъ критикъ, — можно, сколько угодно разсуждать и препираться съ „Дом. Бесѣдой“ о пріемахъ и тонѣ ея рѣчей, но не о вѣрности ихъ“. Онъ не оправдываетъ самой „Бесѣды“ за ея тяжкія обвиненія противъ о. Ѳеодора, но смягчающею причиною ихъ выставляетъ слишкомъ темное у о. Ѳеодора и слишкомъ обобщенное пред-

ставленіе всеобщности Агнчей жертвы. О. Ѳеодоръ даже умилился отъ такого примирительнаго тона „Собесѣдника“, но не могъ не упрекнуть „Бесѣды“ за ея прежнія обиды: „Въ чемъ же, спрошу теперь, такъ нагло обвиняли меня эти люди, когда сами теперь сознаются, что я не колебалъ тѣхъ сторонъ истины Христовой, за извращеніе которыхъ они меня порицали?“

Другой пунктъ нападеній на о. Ѳеодора,—его мысли о свѣтѣ Христовомъ, сіяющемъ во всѣхъ людяхъ и во всемъ, что есть истиннаго у самыхъ язычниковъ,—по мнѣнію „Собесѣдника“, явился тоже вслѣдствіе отвлеченности этихъ мыслей, не различающихъ троякаго рода свѣтенія Христова въ человѣческихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ, — „свѣтенію по созданію человѣка, по его возсозданію и по промышленію Божію о немъ“. Первое свѣтеніе, слабое и обманчивое, вслѣдствіе поврежденія человѣческой природы, цѣлой бездной отдѣляется отъ второго; свѣтъ промышленія Божія тоже различенъ въ мірѣ христіанскомъ и въ мірѣ языческомъ, а потому смѣшивать ихъ подъ общностью выраженія тоже не безопасно и для истины и для благочестія. Въ отвѣтъ на это замѣчаніе о. Ѳеодоръ выясняетъ, что, какъ бы кто ни раздѣлялъ виды свѣтенія свѣта Христова, все это будетъ свѣтъ Христовъ и благодать этого свѣтенія все же едина въ своемъ источникѣ и существенномъ духѣ. Къ сожалѣнію, онъ сознается въ томъ, что не обладаетъ ясностью рѣчи, но главную причину непониманія его даже самимъ „Собесѣдникомъ“ видитъ все-таки не въ темнотѣ своей рѣчи, а въ разности основныхъ воззрѣній, которыхъ держится онъ и его противники,—въ томъ, что они „затрудняются и путаются его принципомъ о вхожденіи нашей вѣры въ духъ любви Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, какъ будто Онъ, Всесвятый, и былъ виноватъ въ грѣхахъ всѣхъ людей, — отчего и самъ г. „Собесѣдникъ“ изъ его, о. Ѳеодора, книгъ и статей не примѣтилъ того же главнаго принципа... Въ самомъ дѣлѣ, не въ усвоеніи ли себѣ Христа въ Его духѣ, свойствахъ и расположеніяхъ состоитъ дѣло христіанской жизни?.. Только бы намъ сознательно и твердо взяться за направленіе—во всемъ держаться Господа въ духѣ Его человѣколюбія, направленіе—усвоять себѣ ту Его любовь къ міру, которая свела Его на

землю до принятія всего человѣческаго естества, кромѣ грѣха, до подчиненія всѣмъ условіямъ человѣческой жизни. Тогда, вмѣсто безплоднаго и самодовольнаго успокоенія многихъ на своемъ православіи, соединеннаго развѣ съ заботою ограждать или остерегать себя и другихъ отъ нехристіанскихъ идей и правилъ,—заботою, не одушевляемою, впрочемъ, духомъ Агнца Божія, пожертвовавшаго Собою за виноватыхъ и заблуждающихся,—заботою, перетолковывающею напоминанія объ этомъ духѣ Агнца Божія, якобы неправославныя и даже отступническія,—вмѣсто этого устремились бы мы съ Христовымъ самопожертвованіемъ проводить истину Христову и благодать во всѣ среды земного быта, не затрудняясь вторгающимися во всякія среды заблужденіями... Это, пожалуй, и новыя воззрѣнія, но новыя единственно по новости примѣненія вѣчной Христовой истины; да и самая эта новость примѣненія оправдывается древними же святыми, какъ это объяснено въ книгѣ о православіи". Въ заключеніе авторъ „умоляетъ любовію къ истинѣ Христовой, въ которой содержится сила жизни вѣчной для всѣхъ, потрудиться надъ надлежащимъ уразумѣніемъ его принципа и терпѣливо одолѣть особенно его книгу объ ап. Павлѣ, который словомъ Божіимъ утверждаетъ и внушаетъ нашей вѣрѣ этотъ самый принципъ".

Миролюбивую статью „Собесѣдника" о. Ѳеодоръ называлъ единственной благородной критикой своихъ воззрѣній изъ лагеря „Дом. Бесѣды". Такъ оно было и на дѣлѣ. Сама редакція „Бесѣды" продолжала держаться въ отношеніи къ нему самаго жесткаго и непримиримаго тона. Она расчетливо не обращала никакого вниманія на всѣ объясненія и опроверженія своихъ критическихъ выходокъ съ противной стороны и настойчиво повторяла свои хлесткія инсинуаціи на архим. Ѳеодора, что онъ или еретикъ или сумасшедшій, котораго нужно какъ-нибудь растолкать отъ его опаснаго бреда *), будучи вполнѣ увѣрена, что для публики, да и для кое-кого поважнѣе, важна не сила доказательствъ, а, главнымъ образомъ, то, кто кого перекричитъ и за кѣмъ останется послѣдній крикъ. Въ 3 выпускѣ „Бесѣды" за 1863 г.

*) Наприм., „Бесѣд." 1862 г., стр. 161—163, 590.

(стр. 72) встрѣчаемъ даже нѣчто въ родѣ торжественнаго: „побѣдихомъ“. По поводу одной карикатуры „Сына Отечества“, на которой Аскоченскій былъ изображенъ играющимъ въ дурачки, онъ писалъ, что въ дуракахъ тутъ останется, конечно, не онъ, Аскоченскій. „Переберите-ка большія его игры, напримѣръ, съ полсотней ученыхъ личностей (т.-е. по поводу протеста противъ него университетскихъ профессоровъ), съ авторомъ примиренія православія съ современностью, съ г. Старчевскимъ и т. д. А можетъ, онъ останется дуракомъ? Едва ли! Тасовать карты для новой игры всегда приходится его противникамъ, стало-быть, кто же въ дуракахъ?.. Миленькіе, голубчики! да не говорите же нелѣпостей-то!“

Въ 26 выпускѣ „Дом. Бесѣды“ того же года, по поводу упомянутыхъ статей о. Ѳеодора въ „Сынѣ Отечества“ въ формѣ разговоровъ о примѣненіи къ мірскому Христовой истины и благодати, подписанныхъ одной фамиліей „Бухаревъ“ *), Аскоченскій разразился: „Однако это уже изъ рукъ вонъ что такое! Г. Бухаревъ или кто-то другой, скрывающійся подъ этимъ прозвищемъ, дурачится не путемъ, и въ своемъ дурачествѣ касается такихъ вещей, которыя во всякомъ православно-мыслящемъ человѣкѣ должны возбуждать благоговѣніе и которыя вмѣсто того подъ перомъ этого арлекина съ кошачьими ужимками получаютъ значеніе какого-то бреда и вызываютъ смѣхъ и хохотъ. Неужели нѣтъ средствъ прекратить это кощунственное суемудріе какого-то Бухарева?.. Это какой-то дикій катехизисъ, въ основаніи котораго лежитъ назойливое стремленіе — примирить православіе съ современностью“. Затѣмъ пародируются самые разговоры. Всѣ эти разговоры представляются какою-то кощунственной дребеденью или сумасшедшимъ бредомъ. Критическія замѣчанія посредствомъ обычнаго у критика перетолковыванія мыслей автора доводятся до крайняго абсурда. Бухаревъ, напримѣръ, пишетъ, что на каждаго человѣка, какъ созданнаго по образу Божію, можно смотрѣть, какъ на досточтимую икону Божію. Критикъ сейчасъ же начинаетъ восклицать: „Какъ? Стало-

*) Изданы потомъ въ книгѣ его „О современныхъ потребностяхъ“, стр. 81 и далѣе.

быть, и цыганки, и проститутки, и жиды, и канканьеры, — все это досточтимыя иконы Самого Бога? Господи, помилуй! Вѣдь это открытое иконоборство, договорившееся до послѣдняго слова". По поводу рѣчи о согласованіи съ требованіями благочестія мірскихъ увеселеній о томъ, что и въ увеселеніяхъ этихъ предъ нами все-таки человѣкъ, ради котораго сдѣлался человѣкомъ Сынъ Божій и въ которомъ все доброе есть Христово, а все худое отяготѣло на Богочеловѣкѣ, критикъ обязательно вспоминаетъ о разныхъ увеселительныхъ мѣстахъ съ пьянствомъ, канканомъ и всякими студодѣяніями. Въ такомъ же тонѣ написанъ (въ 27 вып.) отзывъ и о другой статьѣ Бухарева („С. Отеч.", № 10): „Разговоръ по поводу преобразованія судопроизводства и о взаимномъ отношеніи между свѣтскимъ и духовнымъ".

Вскорѣ, въ томъ же 1863 году, „Домашняя Бесѣда" получила возможность отпраздновать новое и, можно сказать, окончательное торжество надъ затравленнымъ ею архимандритомъ Ѳеодоромъ. Въ этомъ году въ судьбѣ его произошла рѣзкая перемѣна, въ которой Аскоченскій имѣлъ немаловажное участіе.

IX.

Еще въ 1861 году о. Ѳеодоръ предпринялъ изданіе въ свѣтъ своего многолѣтняго и любимаго труда, которымъ онъ занимался еще на службѣ въ Московской академіи. Это было обширное толкованіе на Апокалипсисъ. Трудъ этотъ онъ показывалъ въ свое время въ Москвѣ митрополиту Филарету; послѣдній отозвался объ немъ довольно лестно, сказавъ автору: „Мерцаніе свѣта ты въ Апокалипсисѣ видишь" *), но печатать его не благословилъ. Въ Петербургѣ о. Ѳеодору удалось провести свое сочиненіе чрезъ духовную цензуру и чрезъ А. И. Хитрова запродать для изданія книгопродавцу Овсянникову. Нѣсколько листовъ книги было уже напечатано, какъ объ этомъ узналъ Аскоченскій и поспѣшилъ донести митрополиту Исидору, сильно предубѣжденному противъ о. Ѳеодора **).

*) См. въ „Воспоминаніяхъ" Ѳеодора о Филаретѣ, напечатанныхъ въ „Прав. Обозр." 1884 г., кн. 4, стр. 747.

**) Предупрежденность эта простиралась даже и на соприкосновенныхъ къ нему лицъ, наприм., о. Лебедева. Въ одномъ письмѣ о. Ѳеодоръ успокоиваетъ

Послѣ этого Св. Синодъ, по предложенію митрополита, остановилъ изданіе и потребовалъ и напечатанные и рукописные листы его къ себѣ на разсмотрѣніе. Распоряженіе это сильно поразило автора, считавшаго остановленный трудъ своимъ даже жизненнымъ призваніемъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ мучительныхъ для него тревогъ о судьбѣ этого много лѣтъ любимаго имъ литературнаго дѣтища, которымъ онъ болѣе всего надѣялся послужить дѣлу истины Христовой. Наконецъ въ февралѣ 1862 г. судьба эта была рѣшена: сочиненіе было запрещено и сдано для храненія въ синодскій архивъ. Послѣ полученія первыхъ же частныхъ извѣстій о такомъ рѣшеніи о. Ѳеодоръ писалъ о. Лебедеву, что теперь ему остается только отказаться отъ иноческаго званія, связывающаго его противнымъ совѣсти долгомъ послушанія духовному начальству. „Не бросать же намъ, — выражался онъ, — слова Божія, — лучше брошу себя самого“. Онъ все еще пока надѣялся какъ-нибудь уладить дѣло о напечатаніи своего Апокалипсиса и безъ такого рокового шага и просилъ достать ему копію съ отзыва, по которому послѣдовало синодальное рѣшеніе въ надеждѣ защититься, объясниться и поправить свое дѣло.

Слухи объ его намѣреніи снять санъ встревожили всѣхъ его друзей и знакомыхъ и въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Въ Москвѣ помнили, что онъ и раньше высказывалъ такое намѣреніе, послѣ выговора, сдѣланнаго ему митроп. Филаретомъ за излишнія, будто бы, занятія свѣтской литературой и за извѣстныя его письма къ Гоголю, и старались удержать его отъ задуманнаго шага. Бывшій его московскій сослуживецъ, самое авторитетное лицо въ академіи, А. В. Горскій, написалъ къ нему увѣщательное письмо *). Митроп. Филаретъ поручилъ своему викарію Леониду (Краснопѣвкову) внушить ему, что надобно съ благодушіемъ переносить испытанія и дорожить дарованной ему благодатью священства, что толкованіе Апокалипсиса все равно не можетъ быть напечатано и

А. А. Лебедева: „Не можетъ быть, чтобы васъ преосв. Исидоръ считалъ не православнымъ или даже нехристіаниномъ за вашу пріязнь ко мнѣ. Это вѣдь не Аскоченскій“. Письмо безъ даты, относится, впрочемъ, къ болѣе позднему времени, кажется, къ 1864 году.

*) См. „Ист. Московск. акад.“ Смирнова, стр. 628.

въ свѣтскомъ званіи *). Литературный защитникъ о. Ѳеодора о. Лебедевъ писалъ, что онъ своимъ выходомъ въ свѣтское званіе свяжетъ ему руки, и указывалъ на предстоящія ему въ новомъ безправномъ положеніи лишенія и бѣдствія. Ѳеодоръ стоялъ на своемъ и даже сердился на предлагаемыя ему увѣщанія.

„Не рѣшаясь на тотъ шагъ,—писалъ онъ о. Лебедеву (отъ 27 марта),—которымъ измѣняется все направленіе моей судьбы, я *признаю* бы распоряженіе синодальное относительно дѣла объ Апокалипсисѣ, а это распоряженіе, удерживая мою рукопись въ архивѣ, мѣтитъ не на одни недостатки ея, которые не имѣютъ характера неисправимости, а на закрытіе Апокалипсиса для моего толкованія. Съ этимъ распоряженіемъ соглашаться, значитъ, по-моему, выдавать дѣло Церкви и слова Божія изъ личныхъ опасностей и страховъ... Эта стражба досталась мнѣ,—я и долженъ ее отстаивать. Кому и когда еще придется вступить въ такое же дѣло,—не знаю, а до того времени книга слова Божія, которую именно не велѣно запечатлѣвать или закрывать, ибо сказано „время близко“ (Апок. XXII, 10),—останется все подъ спудомъ“. Ту же мысль о „невозможности оставаться въ противныхъ совѣсти отношеніяхъ безпрекословнаго (по монашеству) повиновенія своему духовному начальству“, которое препятствовало ему слѣдовать своему призванію, онъ проводилъ и въ письмахъ къ А. В. Горскому, М. П. Погодину **) и др. лицамъ. Монашество въ его обстоятельствахъ представлялось ему средостѣніемъ между нимъ и мірскою жизнію, препятствіемъ для его стремленія проводить въ эту жизнь духовныя начала. И вотъ онъ рѣшился разрушить это средостѣніе и войти съ своей проповѣдью въ самую жизнь мірскую, сообразуясь, по своимъ кореннымъ воззрѣніямъ, и въ этомъ шагѣ Единородному, сшедшему съ неба на землю во всю нашу житейскую низменность, чтобы возглавить ее Собою и поднять до неба. Это не было съ его стороны ни отрицаніемъ монашества ни протестомъ противъ него; онъ сильно огорчался, когда его подозрѣвали въ томъ или другомъ, и высказывалъ въ своихъ

*) „Автобіогр. записк. Саввы тверского“, т. II, стр. 722, 726.

**) См. воспоминанія о немъ Погодина въ „Моск. Вѣдом.“ 1874 г. № 84.

сочиненіяхъ полное и совершенно православное уваженіе къ иночеству въ его идеѣ, духѣ и силѣ. Свой собственный выходъ изъ этого состоянія онъ представлялъ только своимъ личнымъ дѣломъ и сравнивалъ его съ подвигами тѣхъ подвижниковъ, которые для спасенія ближнихъ оставляли свои пустыни, облекались въ мірскія одежды, входили даже въ домы блудницъ, вездѣ взыскуя погибающія души и извлекая ихъ изъ бездны грѣха. Подобно этимъ мужамъ, онъ и въ міру надѣялся сохранить благодать своего иночества и священства, если не по внѣшности, то въ самомъ ея духѣ.

Всѣ эти объясненія мы находимъ въ многочисленныхъ письмахъ его, относящихся къ описываемому времени, писанныхъ къ разнымъ его знакомымъ, принимавшимъ въ немъ живое участіе, въ Петербургъ, въ Москву, въ Казань и Нижній. Послѣ всего случившагося, писалъ онъ, напримѣръ, къ о. Лебедеву (отъ 3 іюля 1862 г.): „Видно лучше уже рѣшительно сойти въ Господѣ съ неба на землю, изъ монастыря въ міръ, и стать въ положеніе или состояніе общественое съ мірянами. И вотъ я иду къ растриженію и, если живъ буду, даже къ женитьбѣ. Настроеніе, и по стремленіямъ и по затрудненіямъ внутреннимъ, такое же въ настоящихъ обстоятельствахъ, какъ тогда, когда я сряжался итти въ монашество. Что же? Ужели, склавши ручки, смотрѣть, какъ нещадно, словно отъ поджоговъ горитъ дѣло и у благочестиво мыслящихъ и у занимающихся земнымъ? Если другіе не сочувствуютъ мнѣ, то хоть самому надо итти къ самому средоточію общей, пожалуй, опасности“.—„Путь мой не безопасный,— сказано въ др. письмѣ (отъ 26 авг.), — но иду въ томъ же духѣ и съ тѣмъ же словомъ, какъ вступалъ въ монашество; ей, Богу содѣйствующу“. На предостереженія относительно практической стороны жизни онъ говорилъ только одно, что „Самъ, снисходившій до потребностей въ пищѣ, одеждѣ и жилищѣ, не оставитъ и его въ удовлетвореніи этихъ потребностей“, что Онъ Самъ, не имѣвшій ничего и не знавшій, гдѣ главу подклонить, умеръ не съ голоду, а отъ прираженія къ Нему противныхъ Ему началъ.

Въ самомъ началѣ іюля 1862 года въ Св. Синодъ послано было прошеніе о. Ѳеодора о снятіи сана; потомъ началась тяжелая для него процедура разныхъ увѣщаній, а по оконча-

ніи ея, уже чрезъ годъ, 31 іюля 1863 года изъ Владимирской духовной консисторіи, куда вытребованъ былъ архим. Ѳеодоръ для окончательнаго рѣшенія его участи, вышелъ уже не о. Ѳеодоръ, а Александръ Матвѣевичъ Бухаревъ, дьяконскій сынъ, кончившій курсъ академіи, но лишенный и своей магистерской степени и всѣхъ правъ на государственную службу. 16 августа того же года онъ вступилъ въ бракъ. И началась для него новая очень неприглядная жизнь, полная разочарованій и скудости. Мы не будемъ слѣдить за его судьбой далѣе: она уже изображена нами вкратцѣ въ статьѣ „Правосл. Собесѣдника“ за 1896 годъ: „Печальное двадцатипятилѣтіе“. Скажемъ только, что и въ міру и въ брачномъ состояніи онъ остался, какъ обѣщалъ при выходѣ изъ прежняго своего положенія, такимъ же монахомъ по духу, какимъ былъ прежде, и такимъ же человѣкомъ идеи и пламенной непоколебимой вѣры, не отъ міра сего. Едва ли не самымъ большимъ для него лишеніемъ было то, что ему негдѣ стало печатать своихъ трудовъ и онъ долженъ былъ издавать ихъ отдѣльными изданіями за ничтожную сравнительно сумму и съ постояннымъ рискомъ. Для свѣтскихъ журналовъ 60-хъ годовъ его статьи были совсѣмъ не подходящи; сталъ пренебрегать ими даже любимый имъ „Сынъ Отечества“. Духовные журналы сразу отказали ему въ пріемѣ его работъ. Особенно грубые отказы были получены имъ изъ редакціи „Христіанскаго Чтенія“ отъ ректора Петербургской академіи Іоанна, бывшаго сослуживца о. Ѳеодора по Казани, послѣ епископа смоленскаго, и „Духовнаго Вѣстника“, въ которомъ за 1862 годъ были напечатаны изслѣдованія о. Ѳеодора: „Св. Іовъ многострадальный“ и „О св. пророкѣ Исаіи и его книгѣ“. Онъ имѣлъ наивность послать въ редакцію „Дух. Вѣстника“ статью противъ печатавшихся въ этомъ журналѣ (за 1862 годъ) слишкомъ бойкихъ и развязныхъ критическихъ статей Сербинова объ „Обзорѣ Духовной литературы“ Филарета черниговскаго, „чтобы остеречь, какъ писалъ онъ въ одномъ письмѣ о. Лебедеву, критику „Дух. Вѣстника“ отъ дурного тона и направленія. Но редакція журнала приняла мою статью за враждебное дѣло и объяснила мнѣ, что и съ ея стороны можетъ произойти то же, что я испыталъ отъ „Домашней Бесѣды“. Статейка моя была возвращена мнѣ,

и я прекратилъ мои отношенія къ „Дух. Вѣстнику“. Надежда свободнѣе дѣйствовать на міръ въ мірскомъ состояніи, очевидно, на первыхъ же порахъ измѣняла проповѣднику истины Христовой, хотя самъ онъ и старался не поддаваться разочарованію, твердо надѣясь на то, что „истина Господня пребываетъ вовѣкъ и что Господь,—какъ онъ выражался въ своихъ письмахъ,—сильнѣе всѣхъ и всѣхъ переможетъ“.

Въ концѣ 1863 года „Домашняя Бесѣда“ (вып. 48 вывела уже свой послѣдній результатъ изъ всей изложенной нами исторіи богословской полемики. Извѣстивъ читателей о томъ, что бывшій архим. Ѳеодоръ „завершилъ дѣло примиренія православія съ современностью самымъ соблазнительнымъ образомъ“, сдѣлался „разстригой“, Аскоченскій торжественно возглашалъ: „Таковы-то плоды своеобразнаго умничанья, гордаго самомнѣнія и упорнаго противленія водительству Церкви православной! Богъ поругаемъ не бываетъ“. Въ началѣ слѣдующаго года, по поводу послѣднихъ статей Бухарева въ „Сынѣ Отечества“ за истекшій годъ (№ 48 — 49), Аскоченскій (въ вып. 7) предлагалъ совсѣмъ заградить его уста. „Нельзя давать ему пощады, такъ какъ дѣятельность его въ настоящее время едва ли не вредоноснѣе, чѣмъ прежде. Г. Бухаревъ является между нами новымъ Лютеромъ и возводитъ въ принципъ то, что прежде принимаемо было нами только за бредъ разстроеннаго воображенія. Заботясь о проведеніи въ разныя мірскія среды благодатныхъ началъ, онъ съ тѣми же дипломатическими уловками старается уладить ничѣмъ непримиряемые вѣчные интересы православія съ постоянно мѣняющимися интересами современности... Долго ли это будетъ? Долго ли этотъ оглашенный будетъ учить насъ, какъ въ одно и то же время служить Богу и мамонѣ? Что же онъ думаетъ въ самомъ дѣлѣ,—православіе игрушка, что ли?“ Послѣ этого „Домашняя Бесѣда“ перестала спеціально заниматься бывшимъ архим. Ѳеодоромъ, изрѣдка лишь задѣвая его какой-нибудь остротой или ругательствомъ въ своей борьбѣ съ писателями, близкими къ его направленію или чѣмъ-нибудь напоминавшими это направленіе. Особенно жестоко нападала она на издававшійся съ сентября 1861 года журналъ „Духъ Христіанина“.

X.

„Духъ Христіанина“ издавался компаніей петербургскихъ священниковъ, оо. А. Гумилевскаго, Д. Флоринскаго, І. Заркевича и І. Флерова, и съ самаго начала обратилъ на себя вниманіе особенной свѣжестью направленія и отзывчивостью на всѣ современныя потребности русской церковной жизни. На его страницахъ поднимались и горячо разрабатывались вопросы о характерѣ русской народной религіозности, о положеніи духовенства, о духовныхъ школахъ, о лучшей церковно-общественной организаціи приходовъ, о приходской благотворительности, объ учрежденіи приходскихъ братствъ и попечительныхъ совѣтовъ, о выборномъ началѣ въ духовенствѣ и проч. Журналъ обратилъ серьезное вниманіе и на архим. Ѳеодора и помѣщалъ у себя похвальныя рецензіи на его сочиненія, между прочимъ, помѣстилъ рецензіи о. Лебедева на его книги объ апостолѣ Павлѣ и о новомъ завѣтѣ. Вотъ какъ встрѣтилъ появленіе этого журнала Аскоченскій *): „Съ чувствомъ глубокой тревоги прочитали мы первую книжку журнала „Духъ Христіанина“; при чтеніи второй пришли къ необходимости различать духи; а третья уже прямо сказалась сама, коего духа этотъ „Духъ Христіанина“. Долгомъ считаемъ предостеречь отъ этого духа нашихъ читателей. Принципъ этого журнала есть примиреніе православія съ современностью. Читатели „Дом. Бесѣды“ уже знакомы съ характеромъ этого направленія“. Въ первыхъ книжкахъ журнала до конца 1861 года нападенію „Домашней Бесѣды“ подвергались статьи о. А. А. Лебедева, начавшаго въ ней свою работу о св. Тихонѣ Воронежскомъ **), проф. Аристова о церковно-историческомъ содержаніи русскихъ лѣтописей ***), и о недостаткахъ вѣры въ русскомъ народѣ ****), собранныхъ, какъ выражалась „Бесѣда“, „рвеніемъ той критиканши, которая весь задній дворъ изрыла“, и безъ церемоніи навязываемыхъ всему русскому народу.

*) Въ „Изгари“ 47 вып. „Бесѣды“ 1861 г.

**) „Дом. Бесѣда“ 1861, вып. 45, стр. 872, вып. 47, стр. 923.

***) Вып. 49, стр. 960.

****) „Бесѣд.“ 1862 г., вып. 2, стр. 44.

Болѣе обширныя и выразительныя критики явились въ „Бесѣдѣ“ за 1862 годъ противъ статей „Духа Христіанина“: „Духъ и плоть“ и „Мысли о православіи“ Шалфеева. Первая критика, написанная г. Константинопольскимъ (въ 17 вып.), можетъ служить любопытнымъ показателемъ того, какъ сотрудники „Бесѣды“ мало понимали или не желали понимать новыхъ православныхъ вѣяній въ новыхъ духовныхъ журналахъ; на каждомъ шагу у нихъ встрѣчаются здѣсь недоразумѣнія и очень странныя. Напримѣръ, „Духъ Христіанина“, говоря о плотскомъ христіанинѣ, понимающемъ христіанство не въ духѣ его, а болѣе внѣшнимъ образомъ, указываетъ на то, что такой христіанинъ слишкомъ бываетъ склоненъ къ обрядности, къ счету молитвъ и добрыхъ дѣлъ по количеству, склоненъ думать, что дѣлаетъ ими даже какое-то одолженіе Богу, за которое и ждетъ себѣ награды и проч., а критикъ въ отвѣтъ на это принимается усиленно и съ негодованіемъ доказывать, что количество молитвъ опредѣляетъ и сама Церковь, что, по ея ученію, чѣмъ болѣе человѣкъ творитъ добрыхъ дѣлъ, тѣмъ лучше, и что человѣку христіанину необходимо думать объ угожденіи Господу и надѣяться отъ Него мздовоздаянія, что это именно и служитъ предметомъ христіанской надежды.

Въ статьѣ „Мысли о православіи“ (мартъ 1862 г.) авторъ, г. Шалфеевъ, различаетъ два расположенія или вида православія, при всемъ единствѣ исповѣданія, — положительное и отрицательное. Послѣднее заботится только о томъ, чтобы не погрѣшить противъ православнаго ученія, изъ страха впасть въ ересь боится всякаго мало-мальски самостоятельнаго отношенія къ истинамъ вѣры, усвоенія ихъ сознательнаго, тѣмъ болѣе научнаго, и потому бываетъ узко, фанатично и впадаетъ въ іудейскую исключительность; это низшая степень вѣры, не чуждая иногда суевѣрій, предразсудковъ, вѣры въ преданія человѣческія и проч. Первое же старается по возможности уяснить себѣ божественное ученіе Христа Спасителя и отличается бо́льшею глубиною и широтою, а также свободною сознательностію убѣжденія. Для „Дом. Бесѣды“ этого было достаточно, чтобы, защищая первое направленіе за его вѣрность православію, она самымъ рьянымъ образомъ опрокинулась на „Духъ Христіанина“ съ обвиненіями въ умничаньи,

либерализмѣ, въ подчиненіи вѣры разуму, въ пропагандѣ невѣрія. „Опомнись, „Духъ“,—заключаетъ авторъ этой фанатической статьи,—и осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, если оно тебѣ не страшно!“ *).

Одинъ читатель „Духа Христіанина“, по словамъ Аскоченскаго, говорилъ, будто бы, ему, что журналъ этотъ зараженъ лютеранствомъ и что отъ нѣкоторыхъ его статей читатели отчитываются молитвой: „Да воскреснетъ Богъ“ (стр. 329—331). Самъ редакторъ „Бесѣды“ объявлялъ, что положилъ себѣ правиломъ слѣдить отнынѣ за каждою книжкою „Духа“ и дѣлать это sine ira et studio“. Обѣщаніе это онъ и выполнялъ потомъ, хотя и не sine ira et studio, чуть не въ каждомъ выпускѣ „Бесѣды“ съ такою же ревностью, съ какой преслѣдовалъ постоянно архим. Ѳеодора и „Сына Отечества“. Язвительныя выходки противъ „ихъ благословеній“, какъ величалъ онъ редакторовъ „Духа“, доходили у него до невообразимаго неприличія; по его собственнымъ словамъ, онъ „бьетъ ихъ нещадно батоги здравой логики за распространеніе душевредныхъ о вѣрѣ Христовой понятій“ и всякой грязи, „которую разводятъ они подъ своими ногами, сибаритничая въ ней по образу извѣстныхъ животныхъ“, и изъ которой, „какъ свойственной имъ стихіи, имъ уже никогда не поднять своей головы“ (1863 г., стр. 199—201). „Духъ Христіанина“ нѣсколько разъ пытался возставать противъ подобныхъ инсинуацій и обличать направленіе самой „Домашней Бесѣды“ **), но этимъ вызывалъ съ ея стороны только еще болѣе ругательныя обвиненія въ лютеранствѣ и вольнодумствѣ. И что было особенно невыгодно для редакціи этого замѣчательнаго журнала, обвиненія эти производили впечатлѣніе на духовное начальство; редакторомъ могли угрожать такія же непріятности, какія испыталъ несчастный архим. Ѳеодоръ.

Въ воспоминаніяхъ протоіерея Базарова ***) приведены письма къ нему о. Гумилевскаго, изъ которыхъ видно, какъ плохо приходилось ему и его журналу, если бы за редакто-

*) „Дом. Бесѣд.“ 1862 г., вып. 51, стр. 118—129.

**) См., напр., въ февр. кн. 1863 г.: „Продѣлки „Дом. Бесѣды“, и въ апрѣльск.: „Сиротство „Дом. Бесѣды“, съ характеристикой ея некрасивой литературной дѣятельности.

***) „Р. Старин.“ 1902 г. Августъ.

ровъ не заступился митрополитъ. „Журнала нашего,—писалъ онъ въ 1862 году,—не запретили. Этимъ мы обязаны владыкѣ нашему: онъ твердо сталъ за наше дѣло, и теперь мы можемъ трудиться, не опасаясь смерти; а то вѣдь Богъ знаетъ, что уже задумали. Поговаривали, что недурно было бы рясы снять съ насъ"... „Враговъ у нашего журнала очень много, но зато много и друзей. Уже дважды оберъ-прокуроръ требовалъ въ Синодѣ запрещенія нашего журнала все изъ-за меня, лѣтописца *), да владыка еще поддержалъ. Что будетъ,—не знаю, но буду честно трудиться до конца". Аскоченскій воспользовался такимъ непрочнымъ положеніемъ „Духа Христіанина", и съ половины 1863 года началъ предсказывать скорое его закрытіе и предостерегать его подписчиковъ: „Не входите же въ храмину, гдѣ томится этотъ смердящій мертвецъ" **). Предостереженія эти приносили, конечно, большой вредъ редакціи, и она вынуждена была протестовать противъ нихъ въ газетахъ ***). Зловѣщее карканье „Бесѣды" сбылось въ непродолжительномъ времени. Въ 1866 году она уже злорадно спрашивала своихъ читателей: „А не слыхали ли вы, куда это дѣвался „Духъ Христіанина?"

Но только лишь покончилъ свое существованіе „Духъ Христіанина", какъ „Дом. Бесѣда" была обезпокоена „Странникомъ", который, по ея выраженію, „началъ странничать", и ей пришлось предостерегать православныхъ уже противъ этого невиннѣйшаго и благочестивѣйшаго тогда журнала. Въ первой книжкѣ его за 1866 г. опять стало поминаться имя А. М. Бухарева,—напечатанъ былъ отзывъ объ его книгѣ „О современныхъ потребностяхъ мысли и жизни особенно русской", написанный С. Опатовичемъ, а во второй—отзывъ о рядѣ его книжекъ, посвященныхъ пророкамъ, того же Опатовича. „Въ послѣднее время,—писалось въ „Бесѣдѣ" 1866 г. (вып. 3) по поводу перваго отзыва, — нѣкоторые духовные журналы начали въ духѣ примиренія современности и Христовой истины приглаживать да приласкивать г. Бухарева...

---

*) О. Гумилевскій велъ въ журналѣ отдѣлъ современной лѣтописи.

**) См., наприм., вып. 30, стр. 64; 34, стр. 162; 39, стр. 241, и 1864 г., вып. 32, стр. 687.

***) „Голосъ" 1863 г., № 213, и „С.-Петерб. Вѣдом.", № 184.

Мы указали уже, какъ къ этому болѣе чѣмъ странному мыслителю отнеслась „Духовная Бесѣда“ *); теперь встрѣчаемъ и въ „Странникѣ“ подобнаго же рода услащиваніе и умасливаніе дикаго ученія, проводимаго въ среду народа г. Бухаревымъ. Но странно, — продолжаетъ рецензентъ, — что, при всѣхъ усиліяхъ похвалить этого автора, рецензіи все-таки не могутъ не упрекать его за неумѣнье вести разговорную форму, приданную имъ своимъ статьямъ, за темноту рѣчи, натяжки, отвлеченное резонерство и совершенное незнаніе дѣйствительной жизни. Спрашивается, что же въ немъ хорошаго-то?.. Одно успокоиваетъ насъ, это—необыкновенная темнота изложенія, свойственная нашему новому богослову. Тѣмъ не менѣе, мы совѣтовали бы всѣмъ духовнымъ журналамъ нашимъ оставить въ покоѣ неудавшагося примирителя православія съ современностью и не поднимать изгари, которая, благодаря Бога, улеглась немного“. Давая такой доброжелательный совѣтъ, сама „Бесѣда“, однако, не удержалась отъ того, чтобы въ разныхъ послѣдующихъ своихъ выпускахъ **) не высказать съ своей стороны нѣсколькихъ прочувствованныхъ словъ и о „кошачьемъ мяуканьѣ бывшаго архим. Ѳеодора“, и о „богохульномъ истолкованіи имъ ученія о нашемъ оправданіи чрезъ Агнца, вземлющаго грѣхи міра“, и т. п.

Въ концѣ 1866 года (въ вып. 52) „Дом. Бесѣда“ попыталась задѣть самое православіе „Странника“ по поводу напечатаннаго въ немъ разсказа о томъ, какъ послѣ поминовенія однимъ священникомъ одного самоубійцы родные послѣдняго видѣли въ видѣніи, что загробная участь покойника облегчилась отъ такого поминовенія. „Бесѣда“ стала горячо доказывать, что Церковь не должна молиться за подобныхъ покойниковъ, что объ облегченіи ихъ участи по молитвамъ живыхъ можетъ учить развѣ какой-нибудь архим. Ѳеодоръ, и что, вступивъ на такой путь, „Странникъ“ уйдетъ Богъ знаетъ куда, только не къ граду, котораго онъ, по эпиграфу своихъ книжекъ, взыскуетъ. Противъ этой выходки за „Странника“ вступился въ издававшемся при этомъ журналѣ „Современномъ Листкѣ“

*) Въ ней тоже былъ краткій отзывъ о той же книгѣ Бухарева 1865 г., № 9.

**) Вып. 48, стр. 1136—1137, вып. 52, 1263.

г. Поповицкій *). Въ горячей статьѣ его упоминалось, между прочимъ, и объ о. Ѳеодорѣ. „Г. Аскоченскій,— писалъ Поповицкій, — сдѣлалъ бы хорошо, если бы помолчалъ объ этомъ человѣкѣ, вынесшемъ такъ много страданій, quorum, скажемъ словами поэта, онъ, г. Аскоченскій, pars magna fuit. Пусть спроситъ онъ объ этомъ свою совѣсть". — „Вотъ такъ новость!— отвѣчалъ на это Аскоченскій.— Такъ, значитъ, мы виноваты, что г. Бухаревъ пропитался ересью въ своихъ статьяхъ, появлявшихся сначала въ „Странникѣ", а потомъ въ „Сынѣ Отечества?" Такъ, значитъ, мы заставили его сбросить съ себя санъ архимандрита и жениться? Нѣтъ, г. Поповицкій, не только наша совѣсть, но совѣсти многихъ тысячъ скажутъ вамъ, что мы всему этому столько же причиной, сколько причиною прочіе 11 апостоловъ предательству Іуды. Если г. Бухаревъ дѣйствительно вынесъ много страданій, то зато же онъ и утѣшился, женившись... Мы виноваты противъ г. Бухарева развѣ тѣмъ только, что обличили его еретическое ученіе и помѣшали выйти въ свѣтъ его толкованію на Апокалипсисъ, пропущенному цензурой и потомъ запрещенному Св. Синодомъ" **).

Послѣ этого замѣчанія Аскоченскій оставилъ, наконецъ, Бухарева въ покоѣ и ничего не говорилъ о немъ и объ его направленіи. Да послѣ 1867 года замолчалъ и самъ А. М. Бухаревъ; въ 1868 году явилась одна только его статья въ „Душеполезномъ Чтеніи": „Воспоминанія о пребываніи на казанской каѳедрѣ преосвящ. Аѳанасія" (III, изв. и замѣтки). Въ послѣдній годъ своей жизни онъ ѣздилъ въ Москву, гдѣ видѣлъ его М. П. Погодинъ, и старался пристроить его для работы въ новооткрытый журналъ Кошелева „Бесѣду"; но Александръ Матвѣевичъ не нашелъ себѣ пріюта и здѣсь,— такъ, напримѣръ, въ „Бесѣду" не попала его статья о „Преступленіи и наказаніи" Достоевскаго ***); не сошелся онъ съ редакціей и по направленію. Разочарованный и больной, онъ писалъ Погодину: „Мнѣ хотѣлось бы, чтобы знамя Христово прямо и твердо поднято было, какъ единственное вѣрное

*) См. „Совр. Листокъ" 1867 г., № 104.

**) „Д. Бесѣд." 1867 г., вып. 5, стр. 159.

***) Напечатана уже послѣ смерти автора въ „Прав. Обозр." 1882 г., кн. 8.

руководство и прочное основаніе на все среди всяческихъ нестроеній и потрясеній нынѣшнихъ... Но другіе требуютъ какой-то постепенности, боясь на первой порѣ текстовъ и самаго имени православія. Подобное же разногласіе и по другимъ болѣе мірскимъ вопросамъ. Вообще Богъ вѣдаетъ, много ли дадутъ мнѣ простора въ этомъ журналѣ и много ли я самъ могу въ немъ разговориться". Въ другомъ письмѣ онъ выражался: „Русскіе люди не находятъ необходимымъ стать своею мыслію и словомъ съ твердостію и неуклончивостію подъ начало православія, въ чемъ наша слава и всѣ надежды. Видите, опасаются испугать или, лучше сказать, сами пугаются извѣстной партіи, презирающей вѣру вообще, а православную—въ особенности, а эта партія по тому самому гордо поднимаетъ голову, сознавая въ себѣ силу только отъ нашего духовнаго безсилія или малодушія, дѣйствительно жалкаго. Говорятъ, что надо наблюдать постепенность, дѣйствовать исподволь. Нѣтъ, не мнѣ тутъ работать; буду лучше въ уединеніи бесѣдовать съ пророками, если Богъ дастъ и если еще проживу сколько-нибудь... Такъ и быть! Слава Богу за все, сказалъ, умирая, отвергнутый современнымъ обществомъ, даже самъ Златоустъ" *).

Самъ Викторъ Ипатьевичъ пересталъ толковать о православіи и современности, считая дѣло это поконченнымъ и успокоившись на томъ, что soi disant послѣднее слово въ многолѣтнемъ важномъ спорѣ двухъ богословскихъ направленій осталось за нимъ. Онъ занялся въ своей „Бесѣдѣ" другими предметами, обличалъ новыхъ педагоговъ, спиритовъ, нечестивое направленіе литературы и искусства, печаталъ корреспонденціи и статьи о завирухахъ въ Алтайской миссіи и миссіонерскомъ обществѣ, о полякахъ, о движеніяхъ въ католицизмѣ, подготовлявшихъ пресловутый вселенскій соборъ, и т. д. Замѣчательно, что, оставивъ свою полемику противъ примирителей православія съ современной жизнью, „Домашняя Бесѣда" какъ-то даже обезцвѣтилась и потеряла свой задоръ. Въ качествѣ нѣкотораго послѣдствія къ этому спору въ 1867 и 1868 годахъ она наполняла свои страницы только одной длинной переводной статьей съ французскаго нѣкоего

*) „Воспоминанія Погодина", „Моск. Вѣд." 1874 г., № 84.

протестанта Бастида: „Христіанство и современность“, сопровождая ее своими замѣчаніями въ прежнемъ тонѣ; но эти примѣчанія мало замѣчательны, представляя собою довольно скучные перепѣвы старыхъ нестройныхъ напѣвовъ одной и той же пѣсни.

Спокойствіе ея редактора было нѣсколько потревожено въ 1871 году по случаю кончины А. М. Бухарева (2 апрѣля). Въ газетѣ „Голосъ“ (№ 121) явился некрологъ почившаго, въ которомъ говорилось, между прочимъ, и о тѣхъ огорченіяхъ, какія испыталъ покойный отъ нападеній „Домашней Бесѣды“, охарактеризована была разность направленій послѣдней и самого Бухарева, упомянуто было и о томъ, какое вліяніе имѣлъ Аскоченскій на судьбу почившаго страдальца. Аскоченскій былъ сильно задѣтъ этимъ некрологомъ и въ 19 выпускѣ своей „Бесѣды“ того же года напечаталъ „Тяжелое, но необходимое объясненіе“, не сказавшее, впрочемъ, ничего новаго, повторявшее уже знакомый намъ неизмѣнный взглядъ его на покойнаго богослова и только подтверждавшее отзывы объ нихъ обоихъ, изложенные въ некрологѣ.

„Трудно изобразить,—писалъ онъ,—то въ высшей степени грустное впечатлѣніе, какое произвела на все существо мое статья неизвѣстной *духовной особы*, напечатанная въ № 121 „Голоса“. Въ ней я выставленъ какимъ-то фанатикомъ, злодѣемъ, чуть не убійцею бывшаго архим. Ѳеодора... Изъ уваженія къ памяти усопшаго я не стану опровергать обвиненій почти уголовнаго свойства, взводимыхъ на меня какою-то духовною особою. Эта духовная особа такъ произвольно распоряжается хронологіею событій, что у нея и изъ правды выходитъ клевета. Я могъ бы доказать собственными рукописями покойнаго Бухарева, что вовсе не то было начало его богословствованія, которое пригрезилось его невоздержному апологету, но могила, въ которой успокоился человѣкъ, страдавшій общею всѣмъ смертнымъ слабостію—самолюбіемъ, налагаетъ на уста мои печать молчанія. О взаимныхъ нашихъ отношеніяхъ было много писано и печатано мною въ „Дом. Бесѣдѣ“ 1861 и 1862 гг., и тогдашній архим. Ѳеодоръ ни однимъ словомъ не опровергнулъ писаннаго, хоть и имѣлъ для этого самый сподручный органъ, „Сынъ Отечества“, состоявшій подъ редакціей г. Старчевскаго, который всѣми си-

лами старался уронить меня съ моимъ изданіемъ. Духовная особа, злобствуя, что онъ не могъ „проповѣдывать ни религіознаго формализма ни злорадной безпощадности ко всему мірскому безъ разбора“ (слова некролога), ибо за нимъ, по особому внушенію покойнаго Филарета московскаго, строго слѣдилъ весь духовно-цензурный комитетъ и самъ непосредственный начальникъ архим. Ѳеодора, сдѣлавшій ему, какъ пишетъ духовная особа, выговоръ. Духовная особа, если не почему-либо другому, то изъ уваженія къ памяти своего друга должна бы воздержаться отъ поднимапія тѣхъ дрязгъ, которыя улеглись вмѣстѣ съ нимъ въ могилу, и отъ воспоминанія о которыхъ, по свидѣтельству духовной особы, покойный самъ устранялся. Два раза сходились и два раза расходились мы враждебно, пока статья его, напечатанная въ „Странникѣ“, не положила послѣдней грани между мною и авторомъ. Еще живы свидѣтели, старавшіеся, по усиленной просьбѣ моей, удержать его отъ опаснаго шага ко всероссійскому скандалу; еще цѣлы у меня письма мои къ архим. Ѳеодору, въ которыхъ я умаливалъ его предоставить мнѣ раздѣлаться только съ панегиристомъ „Сына“ и не касаться лично его самого,— письма, возвращенныя мнѣ съ надписью. Духовной особѣ слѣдовало бы принять во вниманіе то обстоятельство, что примирителя православія съ современностью всѣ тогдашніе наши журналисты, отличавшіеся краснотой крайнихъ воззрѣній, хоромъ провозгласили „новымъ богословомъ“ и чуть не пустились въ пляску, свѣдавъ отъ него, что и Деверіа *) служитъ Богу, потому что служитъ обществу. Духовной особѣ надо было бы помнить, Что,

„... что намъ хвалитъ врагъ,
Въ томъ вѣрно проку нѣтъ“.

Духовной особѣ, прежде произнесенія мнѣ строгаго приговора, не мѣшало бы внимательнѣе прочитать всю исторію борьбы, длившейся два года и кончившейся такъ грустно для его кліэнта. Упрекая меня въ критическихъ выходкахъ, неприличныхъ по тону и оскорбительныхъ по сарказмамъ и брани, духовная особа должна бы принять во вниманіе и то,

*) Опереточная актриса 60-хъ годовъ.

какъ честилъ меня мой противникъ, еще носившій санъ архимандрита, въ „Сынѣ Отечества“. Да полно, духовная ли особа доставила въ редакцію „Голоса“ такую оскорбительную для меня статью? Не вѣрится что-то. А, впрочемъ, что мудренаго,—вѣдь нашлась же въ то время духовная особа, которая издала противъ меня цѣлую ругательную книгу, расхватанную въ самое короткое время моими доброжелателями: и соль земли иногда обуеваетъ“.

Мы прослѣдили „всю исторію борьбы“, о которой говоритъ здѣсь Аскоченскій, и, кажется, „внимательно“, и можемъ хорошо видѣть, до какой степени архим. Ѳеодоръ остался предъ нимъ безотвѣтенъ, кто перепуталъ тутъ хронологію, — духовная особа, писавшая некрологъ, или самъ Аскоченскій, а также можно ли осуждать архим. Ѳеодора за то, что онъ не спрятался за своего панегириста въ „Сынѣ Отечества“ и не выдалъ его Аскоченскому, и дѣйствительно ли онъ былъ солидаренъ съ людьми извѣстными краснотою своихъ воззрѣній.

Приписавъ себѣ послѣднее слово въ долгомъ спорѣ, редакторъ „Дом. Бесѣды“ и его усердные читатели и почитатели такъ и остались въ убѣжденіи, что они спасли православіе отъ еретическаго новаторства и отъ приниженія его въ угоду грѣховной современности, такъ и не поняли основныхъ идей новаго богословскаго направленія, которое стремилось обнять всю человѣческую жизнь, научить людей находить Христа не въ одномъ отрѣшеніи отъ міра и дѣйствительной жизни, а во всѣхъ, даже самыхъ темныхъ углахъ самой этой жизни оставаться истинными христіанами среди самаго міра, со всею его обыденною суетою и дрязгами, не поняли, что направленія этого они вовсе не побѣдили и не могли побѣдить, что не имъ, а ему именно и принадлежитъ вся будущность въ процессѣ какъ христіанскаго развитія общества, такъ развитія и самой богословской науки. Можно было легко перекричать слабый голосъ немногихъ „новыхъ богослововъ“ и въ частности голосъ о. Ѳеодора или Александра Бухарева, за всѣхъ нихъ пострадавшаго, легко можно было переспорить, унизить этого младенчески-чистаго и неопытнаго

въ жизни человѣка, осмѣять его иногда слишкомъ прямолинейныя, чисто теоретическія, отвлеченныя, а потому и не совсѣмъ ясныя указанія относительно разныхъ практическихъ частностей въ приложеніи истины Христовой къ дѣйствительной жизни, но это нисколько не задѣвало основныхъ тенденцій „новыхъ богослововъ“, отъ которыхъ нельзя было загородиться никакимъ крикливымъ ригоризмомъ, которыя настоятельно требовали и не перестаютъ требовать самаго серьезнаго вниманія не только со стороны богослововъ, но и со стороны всякаго православнаго человѣка, если онъ только желаетъ проявлять свою православную вѣру не въ одномъ лишь теоретическомъ убѣжденіи, но и въ жизни.

СВОБОДНАЯ СОВѢСТЬ.

ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКІЙ СБОРНИКЪ.

Книга первая.

Содержаніе. А. М. Бухаревъ. Изъ матеріаловъ для біографіи. *-А. С. Бухаревой.* Изъ пережитаго.—*Гр. В. Н. Бобринской.* Смерть и безсмертіе. По поводу трехъ драмъ Метерлинка.—*Вал. Свенцицкаго.* „Не то, не то"... Разсказъ. *Вл. Поливанова.* Большіе люди. Разсказъ.—*А. Г. Ковалевской.* Дѣвы Назарета. Поэма.—*Сергѣя Соловьева.* Изъ „Аккордовъ". Стихотворенія. *Эллисъ.* Вѣнецъ Данте.—*Эллисъ.* Изъ св. Іоанна Златоуста. Стихотвореніе. *-П. Астрова.* Снѣгъ на пути.—Перев. *П. Батюшкова.* Камни. Легенда. *- В. Н. Харузиной.* Весенняя элегія. - Стихотвореніе.—*Андрея Бѣлаго.* „Мы ждемъ его возвращенія". Разсказъ. *Андрея Бѣлаго.* О научномъ догматизмѣ. —*Андрея Бѣлаго.* О пессимизмѣ. - *Андрея Бѣлаго.* Нѣсколько словъ о міросозерцаніи Чичерина. *Б. Вышеславцева.* Свобода совѣсти. —*С. А. Котляревскаго.* Свободная совѣсть. *М. А. Эртеля.* Троичное начало и его общественное приложеніе. (3-я часть книги „La Russie et l'Eglise universelle".) —*Владимира Соловьева.* Перев. *Г. А. Рачинскаго.* Изъ церковныхъ нѣсенопѣній. —*Г. А. Рачинскаго.* Общественная совѣсть. *Андрея Бѣлаго.* Правда маркизма. —*П. И. Астрова.* На пути къ свободѣ совѣсти. Вѣротерпимость. Церковная реформа.—*П. И. Астрова.* Цѣна 1 р. 25 коп.

Д. С. Мережковскій. Теперь или никогда. О церковномъ соборѣ. Цѣна 20 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

С. Н. Булгаковъ. Религія человѣкобожества у Л. Фейербаха.

„Свободная Совѣсть". Литературно-философскій сборникъ, книга вторая.

Цѣна 30 коп.

Редакція: Москва, Тріумфальная-Садовая, д. Цвѣтковой, кв. № 1.